

Ярослав Веров

ГОСПОДИН
ЧИЧИКОВ

Снежный Ком: Вакцир

Ярослав Веров

Господин Чичиков

«Снежный Ком»

2005

Веров Я.

Господин Чичиков / Я. Веров — «Снежный Ком»,
2005 — (Снежный Ком: Backup)

ISBN 978-5-904919-38-2

Господин средней руки по фамилии Чичиков приезжает в губернский город Н, чтобы скупить по сходной цене мертвые души... Знакомая история, не правда ли? Как и полтора года назад городские чиновники, воротилы большого и малого бизнеса, а также простые обыватели сбиты с толку, напуганы или, наоборот, соблазнены таинственным господином. Смогут ли современные владельцы мертвых душ противостоять его, поистине, дьявольской хитрости и изворотливости? И что же, собственно, за товар такой – мертвые души? Содержит нецензурную брань!

ISBN 978-5-904919-38-2

© Веров Я., 2005
© Снежный Ком, 2005

Содержание

Часть первая	5
Глава 1. Он явился	5
Глава 2. Странная камера номер 76	11
Глава 3. «Мы из Эъ»	21
Глава 4. Проект «Поиск гения»	33
Глава 5. Он в досаде	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ярослав Веров

Господин Чичиков

Часть первая

Мёртвые души города Н.

Глава 1. Он явился

Одним июльским полуднем по пыльным улицам губернского города Н. катил не новый "трехсотый" мерседес. Город казался вымершим, серые туши пятиэтажек и желтые колонны крупноблочных строений, которые назвать жилищами не поворачивается язык, тяжело дышали нагретыми на солнце боками, вперив осоловелый взор в ряды тополей, каштанов и акаций. Тянулись нескончаемые бетонные заборы, столь длинные, что пока проедешь такой, успеешь скушать дюжину пирожков с картошкой. Или, к примеру, позвонить куда-нибудь за океан и продать на тамошней бирже что-нибудь эдакое, что на нашем непривычном к экономическому порядку языке так сразу и не выговоришь. Хлебнешь пивка и тогда только, перемежая речь свою крепким русским словечком, выговоришь. Припомнишь тут иностранцам такое, о чем им во сне не снилось.

Однако, городские окраины и районы, хоть и не окраинные, но все же и не вполне центральные, закончились, и пейзаж совершенно преобразился. Преображение ознаменовалось большим рекламным щитом с надписью: "Превратим наш город в образцовый европейский центр". И пошло: магазинчики, ресторанчики, бутики, да все яркое, глянцевающее, умытое, приукрашенное латинской буквой и именами всемирно известных фирм. Тротуары вымощены цветной плиткой, а бордюры – сплошь гранит. Швейцария, да и только. Правда, всё же не Швейцария – пыль как вздымалась из-под колес, так и продолжала вздыматься.

С центральной улицы мерседес свернул на парковку пятизвездочного отеля "Гранд-централ". Отель этот стал городской достопримечательностью совсем недавно, после того как взорвали стоявшую на его месте вконец обветшавшую и потому ставшую слишком уж провинциальной гостиницу. Главный городской магнат, промышленник, гроза спонсоров, равно как и городского, и даже губернского начальства, начал строительство, пообещав, что, во-первых, отель будет сверхсовременный – Швейцария может отдыхать, а во-вторых, в точности сохранит форму взорванного архитектурного памятника. Получившееся в результате столь смелого решения четырехэтажное сооружение не имело ни наружных прозрачных лифтов, ни зеркальных панелей, ни прочих внешних признаков "люкса", являя собой опоясанный лоджиями и балконами куб с сиротливой угловой башенкой, скрывавшей в себе двухэтажные «президентские» апартаменты.

Прибывшего в город Н. человека звали Сергей Павлович Чичиков. Выглядел он вполне обычно, как и должен выглядеть средней руки деловой человек. То есть, возрасту неопределенно-среднего. Дашь такому тридцать лет – и ошибешься, дашь все сорок пять – опять ошибешься. Телосложения также самого среднего – плотного, но не до чрезмерности. Одет он был в клетчатый, канареечного цвета пиджак, белую рубашку и черные, свободного кроя брюки. На шее имелась золотая цепь именно такого веса, который должен был означать, что владелец её человек не нищий, но и деньгам цену знает. То же было и с перстнем на мизинце его левой руки. Не печатка какого-нибудь мелкого прохиндея, но и не бриллиант в пять карат. Да, бриллиантов в перстне хватало, но имели они пристойный размер, располагались рядами, стройно

и аккуратно. Путешествовал Чичиков в сопровождении шофера Степана или еще проще – Бычка, одновременно выполнявшего обязанности телохранителя и слуги.

Прибытие Сергея Павловича в город Н. прошло совершенно незамеченным. Разве только двое крепких мужчин в служебных черных костюмах, меланхолично куривших около огромного лимузина, окинули "мерс" оценивающими взорами и обменялись парой фраз:

– А что думаешь, двести тыщ кэмэ пробега есть?

– Не-ет, вряд ли. Сто, не больше.

– А номер московский.

– Не, не московский...

И, потеряв интерес к предмету беседы, пустили две ровные струи дыма прямо в небо.

В вестибюле журчал в хрустальной чаше фонтан; бесшумно двигались вверх-вниз прозрачные кабины лифтов. Нарушал стройность картины звон, издаваемый игровыми автоматами, стоявшими здесь же, в вестибюле, напротив стойки администратора. Трое подростков азартно дёргали рукоятки, пили пиво и громко переговаривались, обозначая эмоции нецензурным словом. Чичиков удовлетворенно хмыкнул – провинция оправдывала ожидания, – и обратился к администратору:

– Любезный... Мне чтоб не люкс, но пристойно. Две комнаты в номере. Больше, пожалуй, не надо.

– Любой каприз на ваши деньги, – развязно улыбнулся администратор.

Видимо, администратор этот был научен обслуживать именно наших, местных постояльцев, а для иностранца имелся в запасе человек более подходящий, обучавшийся гостиничному делу в какой-нибудь Италии. А может, и этот обучался там, но с нашим человеком общаться на заграничный манер не решался. Для надежности, так сказать, и приятности времяпрепровождения.

– Каприз, говоришь? Хе-хе. Ну, тогда, знаешь что – организуй пару девушек мне в ресторан, чтобы сопровождали, – брякнул Чичиков первое, что взбрело ему в голову.

– У нас прекрасная служба сопровождения, – поспешил заверить администратор, а про себя подумал: "Вот ведь богатенький Буратино, а по виду хрен скажешь..." – Можем организовать по городу, или для деловых встреч, презентаций...

– По городу? – Чичиков снова хмыкнул. – А что у вас здесь рассматривать?

Администратор задумался. Зачем-то стал нажимать клавиши компьютера, потом, словно бы очнувшись, выдал:

– Рекомендую посетить наш бизнес-центр.

Чичиков как-то скептически поднял бровь, и администратор сник. И дежурным тоном отбарабанил:

– Ваш номер двести пятьдесят восьмой. Вот ваш ключ, от лица администрации отеля "Гранд-централ" желаю приятного отдыха в наших стенах.

– Между прочим, кому принадлежит этот отель? – внезапно спросил Чичиков.

– Корпорация "БРУС".

– А кто ж возглавляет корпорацию-брус?

Администратор сделал значительное лицо и, зачем-то понизив голос, сообщил:

– Господин Тесля.

– Наверняка зиц-председатель, глава совета директоров, – сам себе сказал Чичиков. – А над ним птичка позначительней. Как ее тут у вас величают – Батя или Хозяин?

Чичиков знал, что других вариантов в наших городах не водится. Разве еще какой-нибудь Председатель, но это в городах совсем уж уездных.

Администратор сделал отсутствующее лицо и уставился на экран компьютера. В это время в вестибюле появился Степан-Бычок, груженный двумя увесистыми чемоданами, и они с Чичиковым поднялись лифтом на второй этаж. Стены коридора оказались оклеены немец-

кими обоями, видимо, Батя решил сэкономить на карельской березе, или итальянском мраморе, или на худой конец – армянском туфе.

В номере пахло дешёвым освежителем воздуха. Чичиков обладал тонким обонянием и потому, поморщившись, распорядился:

– Степан, открой окна и дверь, пускай протянет.

– Кондишн можно запустить, Сергей Павлович!

– Открой, говорю, – Чичиков, как был в костюме, плюхнулся на кровать, но тут же раздумал валяться: – Покушать пойти? Пожалуй, пойду. Распаковывайся, Степан, а я, пожалуй, пойду. Смотри, не напивайся в первый же день. Тебе еще сегодня рулить.

В ресторане Чичиков спросил у проворного и ласкового официанта: что обычно тут едят? Тот с радующей душу готовностью распахнул было рот, и уже оттуда вырвалось "рекомендую-очень...", но Чичиков махнул рукой и брюзгливо обронил:

– А, все одно, как в Макдональдсе...

– Почему как Макдональдсе? – опешил официант. – У нас губернатор кушает... Замминистра приезжал. Все очень хвалят. Повара пригласили из...

– Уговорил, неси, – еще раз махнул рукой Чичиков. – И побыстрее.

– Извините, но у нас выбор... Что вы желаете?

Чичиков лишь безразлично шевельнул бровью, и официант, понимающе закивав, поспешно удалился.

А Чичиков откинулся на спинку кресла, пригладил ладонью волосы, слегка одернул полы пиджака и принялся разглядывать зал. Отметил зеркальный потолок, зеркальные же колонны и припорошенные пылью белые шторы с золотыми лилиями. "Тэк-тэк, – подумал Чичиков, – лилии – французская кухня".

Публика в зале сидела разнообразная. Были здесь и пузатые дядьки в шортах и с молоденькими девицами, и пузатые дядьки в солидных деловых костюмах со стервозного вида референтшами, и компания тощих, словно засушенных в вакуумном колоколе, бизнес-дам, которым с их постоянной диетой делать здесь, по правде сказать, было нечего. Были молодые и поджарые, словно с рекламных обложек, энергичные деловые люди, должно быть ворочающие немалыми суммами в банках, или может, напротив, жиреющие на контрабанде цветного металла, а скорее всего – крупье какого-нибудь казино. Были здесь и подростки, отчетливо понимающие, какими суммами располагают их родители, а потому ведущие такой образ жизни, чтобы никто не подумал, что их родители "стоят" меньше; эти выглядели скусающими и утомленными.

Официант прикатил на хромированной тележке первую перемену. Как и ожидал Чичиков, французские закуски с кислым, нелюбимым Чичиковым соусом.

– Улитки, – недовольно проворчал он. – Спаржу и зелень я возьму, устриц, пожалуй, тоже, а остальное кати обратно. И принеси, будь добр, водочки, граммов двести. Для дезинфекции. У вас тут, наверное, и тараканы бегают...

У официанта от негодования лицо сделалось бледное. Но он смолчал, лишь кивнул и удалился вместе с тележкой. А Чичиков подпустил ему вслед довольный смешок. День складывался удачно.

Когда с обедом было покончено, Чичиков вновь откинулся в кресле, но на этот раз умиротворенно, выкатив брюшко, для чего ослабил ремень на штанах. Ковыряя зубочисткой в зубах, стал обдумывать, с чего следует начать задуманное дело. По всему выходило, что с губернской библиотеки, которую он миновал по пути к отелю, и которая находилась совсем неподалеку. Надо поработать с местной периодикой, ознакомиться с положением в городе под интересовавшим его углом зрения.

Чичиков достал мобильник и сбросил на пейджер Бычку распоряжение: "Разводи пары".

Губернская библиотека размещалась в массивном, цвета детской неожиданности здании с колоннами. С фронтона, из-под самой крыши, смотрели вниз напряженные лица деятелей культуры, словно пытаясь предупредить прохожего: "Не заходи сюда, добрый человек. Если не гонит крайняя нужда – пройди мимо". Но Чичиков оставил без внимания немые предупреждения и, отворив тяжелую деревянную дверь, вошел в гулкий, высокий вестибюль.

Такого солидного человека в библиотеке не видели давно, с того самого раза, как на крыльце отреставрированного хранилища знаний перерезал ленточку городской Голова. Внутрь, правда, Голова вошел скорее нехотя, по принуждению сотрудников, наскоро поставил росчерк в книге почетных гостей и поспешил выйти вон. Чичиков тоже не удостоил вестибюль внимательного взгляда, а со значением откашлявшись, спросил у гардеробщицы, где кабинет директора. Получив ответ, благосклонно кивнул и стал подниматься по широкой, как в Эрмитаже, лестнице.

Сойти с лестницы на третьем этаже мешал стол, почти совершенно перегородивший вход в коридор. У Чичикова потребовали абонемент. Не взглянув даже на обратившуюся к нему с этим требованием особу, Чичиков обронил на ходу: "К директору", не без труда протиснулся в узкий промежуток между перилами и столом, но вдруг остановился и спросил: "А где он здесь?"

– Вы из отдела по культуре? – уже скорее робко осведомились из-за стола.

– Это важно знать?

– Извините. Кабинет директора налево по коридору.

Директором оказалась женщина приятного возраста – лет пятидесяти, – моложавая, несколько склонная к полноте, впрочем, скорее радующей мужской глаз. Одета она была в манере пожалуй что вызывающей. Юбка цвета спелой вишни, хотя и принадлежала деловому костюму, но, во-первых, чересчур плотно обтягивала бедра, а, во-вторых, заканчивалась не то чтобы совсем высоко, но определенно выше колен. Блузка с переливающейся вышивкой – тропической птичкой, имела интригующее декольте, а на чистой, не то чтобы молочной, но все же достаточно гладкой коже блистало бижутерное египетское ожерелье из больших кроваво-красных бусин, вкрапленных в массивные позолоченные звенья. На мочках ушей рдели такие же красные капли стекла. Одним словом, директриса была женщиной приятной на вид, единственно чего недоставало, так это утонченности. Впрочем, кто сказал, что утонченность это безусловное достоинство, иногда как раз наоборот.

Когда Чичиков вошел, она стояла у раскрытого окна и обмахивалась журналом, в кабинете было душно. Приторный запах французских духов показался Чичикову невыносимым. Но он решил держать себя в руках.

При виде Чичикова, директриса кокетливо всплеснула руками, отчего журнал шлепнулся на пол. Чичиков прочитал название – "Космополитен", журнал для женщин, которым в этой жизни уже делать нечего, то есть не то, чтобы нечего, просто не они, а для них делают.

– Ой, вы меня испугали, – сказала директриса, стрельнув глазами.

Чичиков кивнул, изобразив на лице приятную улыбку. Но в галантном жесте отказал – журнал с пола поднимать не стал, решив проследить, как это получится сделать в узкой юбке и декольте. Однако, директриса, словно не заметив, подошла к Чичикову и, протянув руку, представилась:

– Ядвига Романовна.

Чичиков, мягко обняв ее пальцы одной лишь ладонью, пожал протянутую руку и в свою очередь представился:

– Чичиков Сергей Павлович. Прошу мою визиточку, – и непринужденным движением извлек из кармана карточку с золотым обрезом.

– Ну-ка, ну-ка, – Ядвига Романовна, близоруко прищурившись, поднесла ее к глазам. – Нет, без очков уже не могу. Годы.

– Помилуйте, Ядвига Романовна. Какие годы? Да вам на вид дашь лет тридцать пять, не более! – бархатно ввернул Чичиков.

– Ой, – махнула она рукой, – о чем вы говорите... "Корпорация "Гадес", владелец". Номера телефонов московские?

Чичиков промолчал.

– Понятно, только с помещениями сейчас трудно. После реставрации знаете, сколько желающих арендовать?

– Я совсем по другому поводу, – замахал руками Чичиков. – На помещение не претендую.

– Ну что ж, присаживайтесь.

Чичиков с едва заметной долей вальяжности, не желая разрушить образовавшуюся легкость в общении, последовал приглашению. Ядвига Романовна уселась напротив и выжидательно сложила руки на столе.

– Видите ли, просьба моя незначительна. Интересуюсь известными аспектами жизни вашего города. Нуждаюсь в квалифицированном обзоре прессы, так сказать, ревью. Меня интересуют главным образом события последнего года.

– Ну, Сергей Павлович, – одарила улыбкой Ядвига Романовна, – событий было много.

– Потому я и обращаюсь непосредственно к вам. Тема у меня имеется. Вот я вам запишу.

Чичиков извлек черной кожи блокнот и черный же "Паркер" с золотым пером, написал на листке: "1. Скандал вокруг городской тюрьмы. 2. Любые истории, вызвавшие интерес и удивление". Слово "удивление" Чичиков подчеркнул, затем аккуратно вырвал листочек и подал директрисе. Та наморщила лоб, припоминая, что за скандал вокруг городской тюрьмы, но не припомнила. Тогда, зацепившись за последнее слово, спросила:

– В каком смысле – удивление?

– Э-э, в самом широком, Ядвига Романовна. Вот, скажем, месяц назад в городе С. в трамвайном депо сгорело два трамвая. Само собой, нашли пьяного техника, который бросил окурки в ящик с ветошью. Но, видите ли, что в этом пожаре примечательного – трамваи-то стояли в разных концах площадки. Для прокуратуры это, впрочем, пустяки. Да, так вот, кому вы там поручите составлять – пускай полагается на свою впечатлительность. Лучше, чтобы это была женщина. Насчет вознаграждения, думаю, мы с вами договоримся. Само собою, условие конфиденциальности будет первым и главным. Чтобы, знаете, коллеги не стали интересоваться, кто такой Чичиков и зачем Чичиков... – Чичиков выжидательно замолчал.

– Не ожидала, Сергей Павлович, – директриса задумчиво вертела в пальцах чичиковскую визитку. – Не знаю, что вам и ответить. Не знаю. Времена такие сейчас. Откуда я знаю, зачем вам это нужно?

Чичиков подумал: "Вот сука". Любезно улыбнулся, и, понимающе двинув бровью, вытащил из кармана портмоне. Невзирая на протестующий жест директрисы, он аккуратно, бумажка к бумажке, выложил на стол триста долларов. Так же аккуратно сложил портмоне и спрятал.

– Должен заметить, это аванс. В зависимости от результатов...

Ядвига Романовна даже не дослушала, о каких результатах собрался говорить визитер, она просто сгребла купюры, встала, подошла к шкафу, достала оттуда сумочку, отправила в нее деньги, а потом, усевшись снова за стол, одернула блузку и, вздохнув, мечтательно произнесла:

– Сергей Павлович, я же все-таки женщина.

Женщины в планы Чичикова не входили. Он стал соображать, как далеко простираются женские амбиции Ядвиги, но она сама направила его мысли в нужное русло:

– А женщины любят внимание...

Половина вопросов, наиболее Чичикову неприятная, отпала моментально. И он предложил на выбор:

– Ресторан или казино?

– Ой, ну конечно, казино. Я там ни разу не была! А вы смелый мужчина.

"Ну, уж сразу и смелый, – подумал Чичиков. – Как бы она меня под это сурдинку к себе в постель не положила".

Он изобразил смущение и спросил:

– Когда?

– Да зачем откладывать?

– Во сколько?

– В девять.

– Я вам перед этим позвоню. Так что, прошу телефон.

– Сергей Павлович, почему до сих пор на "вы"? Записывай, – она продиктовала номер.

Чичиков записал во все тот же блокнот.

– Только одно – мое поручение надо начать выполнять сегодня.

– У меня есть одна мышка. Старательная. Я ее сейчас вызову. Она нуждается, за три копейки все сделает.

Чичиков поднялся и, заглянув сверху вниз в декольте, с ноткой довольства в голосе сказал:

– Только не нужно, чтобы она меня видела. Я буду надеяться, что ваша, хе-хе, твоя мышка найдет мне золотое зернышко. Итак, до вечера, Ядвига Романовна, я звоню и за тобой заезжаю.

Чичиков развернулся, не дав темпераментной директрисе возможности протянуть ручку для поцелуя, и удалился.

Спустившись с библиотечного крыльца, Чичиков вдруг заволновался. Нестройно грянули выносные колокола на площадке перед всё ещё недостроенным губернским кафедральным собором. Чичиков забрался в машину и приказал:

– Подрули туда.

И кивнул в сторону красной кирпичной коробки собора. Рядом с долгостроем располагалась небольшая, выкрашенная голубой краской часовенка-церквушка. Чичиков неловко выскочил из машины, быстрым шагом устремился к распахнутым дверям. Навстречу ему вышли люди – невеста в фате и жених, в окружении свиты. Венчались, судя по нескольким дорогим машинам, люди состоятельные. Процессия проплыла мимо, фотографироваться на площадь, у звонницы. Чичиков вошел в часовню. Внутри было пусто, только бабулька сидела у ящика со свечами, да пахло ладаном.

Чичиков принюхался. Оглянулся на бабку и для приличия перекрестился. Потом приблизился к алтарным вратам и три раза постучал. Наклонил голову, словно к чему прислушиваясь. Будто что-то должно было откликнуться из-за врат. По-видимому, удовлетворившись результатом, он вздохнул, солидно одернул пиджак и, проходя мимо бабки, обронил:

– В яме стоите...

На что старая немедленно ответила:

– Напился, что ль?

– Тьфу, ведьма, – себе под нос пробормотал Чичиков.

Глава 2. Странная камера номер 76

На следующий день Чичиков проснулся поздно.

– Степан! – позвал он.

Степан не откликнулся, потому что его в номере не было. Зная привычки хозяина, Бычок посчитал, что раньше двух тот никак не встанет. И потому спокойно сидел в баре, опохмелялся. Бар располагался напротив гостиницы. Бычок выбрал его из экономии, за умеренность цен.

Чичиков принялся искать свой сотовый телефон – под подушкой его не было, он валялся под кроватью. Чичиков вспомнил, как он уже было совсем заснул, но позвонила Ядвига Романовна и заплетающимся языком пожелала "своему пупсику" спокойной ночи. Тогда он и запустил телефон под кровать. "Ах, стервь... Вот ведь стервь..." – бормотал он, натягивая брюки. Сбросил Бычку приказ явиться в номер и в ожидании принялся размышлять, какие меры следует к нему применить. Ведь нажрался уже скотина, как пить дать, с его-то способностями, небось, всю ночь квасил. "Пускай поработает. Прокатиться что ли к морю? Сто километров – час туда, час обратно. Можно".

Затем он решил позвонить директрисе. Позвонил. Вчерашнее состояние сильного алкогольного опьянения чудесным образом оставило Ядвигу Романовну без последствий: голос был свеж и бодр, а тон – деловой.

– Ну, как там наша мышка? – не дослушав приветствие Ядвиги Романовны, спросил Чичиков.

– Какая мышка, Сергей Павлович?

– Та самая. Я часа через три, – Чичиков подумал, – четыре заеду.

– Угу-угу, понятно. Я потороплю.

– Поторопи...

"...дорогуша, нет сил в вашем сраном городе сидеть", – мысленно продолжил фразу Чичиков.

На первый взгляд, обижаться Чичикову было не на что. Вчерашние триста долларов он отыграл в казино, да сверх того положил в карман еще пятьсот. Мог и еще выиграть, если бы рядом не было директрисы. После первого же выигрыша ее понесло, видимо, стойкая к действию спиртного, она оказалась беззащитной перед искушением азартом. Чичиков даже пытался заинтересовать ее мужским стриптизом, но обнажённые торсы атлетов не шли ни в какое сравнение с завораживающим бегом шарика по лимбу рулетки. Чичиков пытался научить ее азам правильной игры, мол, сперва ставь на цвет и четность и смотри удачу – если здесь не везет, переходи на игральные автоматы. Да записывай выигрышные номера, корова. Впрочем, "корова" эта ничего не слушала, и метала фишки на номера, пока всё не спустила. Чичиков новых ей давать не стал. Он объявил, что и без того они много выиграли, и хорошо бы эти шальные деньги прогулять, иначе удача больше не придет. Ей захотелось танцевать и пить водку. Мужской стриптиз возбудил в ней, наконец, некий интерес, она даже плотно прижала Чичикова к себе во время танца, так что у него сперло дыхание. Потом они долго пили водку, Чичиков все ждал, когда же она отключится, но, утомившись ожиданием, заскучал и вдруг заявил, что пора ехать домой. Сразу домой не получилось, но может оно было к лучшему: к ним присоединилась компания из двоих мужиков и девицы, с которыми Ядвига успела перезнакомиться во время танцев. Они стали пить на пососшок, потом на брудершafft, потом целовались; Чичиков вызвал такси и уехал.

Чичиков принял душ и привел себя в порядок. Явился Бычок. Чичиков повёл носом:

– Пиво пил, скотина.

– От вас не утаишь, – покорно согласился Бычок.

– А ночью – водку паршивую. Печень надо жалеть, Степан.

– Я что ж...

– Собирайся, едем на море. Захвати в ресторане чего-нибудь. Там, на бережку поклюю... Морской ветерок, чайки, чайки... Бегом, я сказал!

Через три с небольшим часа Чичиков, освеженный, с румянцем на щеках, входил в кабинет директрисы. Та, казалось, забыла о вчерашнем флирте и держалась с подчеркнутым достоинством. Чичикова, впрочем, эти оттенки совсем не интересовали. Он даже не поздоровался, а начал беседу вопросом:

– Готово?

– Добрый день, Сергей Павлович. Вот ваше ревю. Заметьте, я его даже не смотрела.

Чичиков принял папку.

– Прекрасно. Что ж, Ядвига Романовна, обе стороны, так сказать, выполнили свою часть договора, засим откланиваюсь.

– Ну, ты и прохиндей, – бросила ему вслед директриса, на что Чичиков даже ухом не повел.

Впрочем, выйдя из кабинета, он довольно ухмыльнулся, вынул из папки несколько газетных вырезок и исписанных аккуратным почерком листов, наскоро просмотрел.

– Мы-ышка, – с тем же довольством протянул он и, возвратив бумаги обратно, поспешил из библиотеки.

Удобно расположившись за журнальным столиком в гостинной и отослав Бычка – "можешь пить, но чтоб к ночи был как стеклышко", – он раскрыл папку и выложил на столик пухлую пачку бумаги. Латинской единицей были помечены все выписки и вырезки, которые относились к истории с городской тюрьмой. Чичиков углубился в изучение.

История эта началась давно, когда точно – сказать возможности не представляется. А известность тюрьма обрела после скандальной статьи в "Столичных Ведомостях". Статья называлась "Мертвые души в тюрьме города Н." Оказалось, в городской тюрьме и смертность подозрительно высокая, и обращение с покойниками, вернее с их личными делами, весьма странное. Мертвых заключенных как бы понарошку, на бумаге, оставляли в живых, продолжали содержать на довольствии и даже освобождали, о чем составлялись исчерпывающие записи. Удивительно также, что родственники некоторых из них иногда получали письма с просьбами передать посылочку с чаем, табаком, едой и прочими нехитрыми тюремными радостями. Адресаты же давно покоились на кладбище, в казенном, пронумерованном захоронении.

Естественно, возникли нехорошие слухи, что заключенных и подследственных умерщвляли инъекциями, имитировали самоубийства, больным отказывали в помощи, впрочем, ничего такого доказать не удалось.

История вызвала немалый шум, приезжали телевизионщики, местная пресса тоже не осталась в стороне. Начальника тюрьмы сняли с должности, отдали под суд за злоупотребления и вскоре взяли на его место Григория Харлампиевича Кирияджи, до того занимавшего должность военкома в одном из районных военкоматов города К., той же, Н-ской, губернии. Не то, чтобы Григорий Харлампиевич не брал взяток и не воровал – делал он это, конечно, но знал меру. Просто в городе К. сменилось руководство, и новый городской военком решил везде расставить своих людей. Григорий Харлампиевич, будучи далеко не глупцом, сообразил, что к чему, упираться не стал, лег в больницу, оформил на всякий случай инвалидность, и, не дожидаясь, когда ему прямым текстом скажут, мол, уходи сам, пока не подставили, написал необходимый рапорт.

Помыкавшись без руководящего кресла, он решил принять должность начальника Н-ской тюрьмы. Хоть и понимал, что в свете "мертвяцкого" скандала, берут его лишь потому, что никто из н-ских руководителей не зарится на такой черствый пирог. "Ничего, – положил он, –

два-три года посижу, перекантуюсь, наведу связи, а там, увидим, кто кого. Кирияджи еще не все сказал в этой жизни". Не знал честолюбивый грек, в какую халепу вляпался.

Приняв дела, Григорий Харлампиевич обнаружил прелюбопытный факт. Естественная смертность в тюрьме сохранялась такой же, что и при скандальном предшественнике, разве что стала на самый чуток поменьше. Кирияджи сделалось не по себе, он даже не мог уснуть две ночи кряду, притом, что употребил немало своего любимого красного вина.

К слову сказать, красное вино было его второй большой слабостью. Первой же были книги. Библиотека Кирияджи слыла одной из лучших в губернии, а сам Харлампиевич полагал себя человеком просвещенным, то есть широких взглядов, эдаким изнывающим от повседневного окружения "человеком инакомыслящим". Читал он преимущественно по утрам – привычка, выработанная за долгие годы, – вставал в пять утра, два часа читал и лишь потом собирался на службу. Кстати, прежнее, смещённое руководство города К., ценя его образованность, часто поручало ему готовить речи на разные поводы.

Итак, измученный бессонницей и нервами, постоянно имея перед глазами призрак посаженного таки к тому времени предшественника, Кирияджи устроил внутреннее расследование. А расследовать, как оказалось, было, собственно, нечего. Первый же прижатый им к стенке, старший контролер Ковбасенко, сообщил, что причина небывалого мора всем известна и проста, как пятак.

– Так в камере номер семьдесят шесть больше недели не живут, – спокойно выслушав причитающуюся ему долю крика и матюгов, сказал Ковбасенко.

– В каком смысле, мать твою, больше недели? – Кирияджи надеялся услышать, что, мол, через неделю переводят в другую камеру.

– Копытятся, – так же спокойно ответил старший контролер. – Открывается туберкулез, раз-два и на кладбище. Бывает, что и рак, но тоже очень быстро. Ну а уж если инфаркт, то труп к утру уже холодный.

– Почему не принимали меры?

Ковбасенко почесал затылок:

– Так ведь эта...

– Отвечай, мать твою!

Кирияджи добавил еще много нелестного, пока, наконец, не почувствовал, что интерес начинает перевешивать гнев. Он умолк, отер платком вспотевшее лицо и шею, и буркнул:

– Докладывай всё. Почему я должен клешами из тебя тянуть?

– Так все ж знают, товарищ подполковник. Все ж люди. К примеру, урка поперек горла корешам стал. Туда его. Или залупился кто на коридорного. Или куму стучать не хочет. Так туда его. А бывало, при прежнем, ненужный свидетель... Ну, вы понимаете. Тут мы этого не касались. Это сам прежний распорядился.

– Да что ж это за камера такая, мать твою?

– Так отожд... Камера как камера, в прошлом годе плановый ремонт делали. Подшпаклевали, подкрасили, матрасы новые. Все равно – мрут.

– А другие помещения, что?

– Так ить... ничего. Сами удивляемся.

– Ну-ка, пойдём туда. Сам погляжу, шой-то за причиндалы.

Странная камера размещалась на втором этаже тюремного корпуса. Контролер глянул в глазок, доложил:

– Можно.

И залязгал засовом замка.

Кирияджи в большой задумчивости вступил под своды семьдесят шестой.

– Встать! – негромко распорядился у него из-за спины контролер. И добавил для Кирияджи: – Да они тут тихие.

В камере на восемь человек находилось четверо. На приказ контролера они и ухом не повели: двое спали на нижних койках, а двое играли в карты на верхних, поближе к забранному "намордником" окну. Впрочем, один из этих двоих сказал, лениво тасуя колоду, другому:

– Гляди, начальство пожаловало...

В ответ тот широко и громко зевнул, аж зубы клещули, и сказал:

– Хорош тряндеть, сдавай уже.

Кирияджи хмыкнул, пробормотал сквозь зубы: "Дисциплинка...", и обратился к заключенным вполне официально:

– Жалобы имеются?

Спавшие не проснулись, а игравшие в карты – те переглянулись и продолжили игру.

Кирияджи возвысил голос:

– Жалобы, говорю, на здоровье есть?

Один из игроков, тот, который торопил сдавать, почесал небритый кадык и лениво ответил:

– Да задолбал ты, гражданин начальник. – Послунявил пальцы и смачно ударил картой карту партнера. – Тридцать одно! Опять ты в жопе, Вася.

– За жопу ответишь, – незлобно, впрочем, возразил тот. – Мурцуй.

Кирияджи хотел было сплюнуть, но решил, что это будет выглядеть непедагогично, – да и зачем метать икру перед будущими покойниками, – поэтому, соорудив на лице невозмутимую мину, покинул таинственную камеру. В коридоре спросил у Ковбасенко:

– На вид здоровые... и через сколько они того?

– Так ведь эта... Эти – коренные, они здесь все время сидят, – сообщил Ковбасенко; подумав, добавил: – Их отсюда вывести невозможно.

– Как это невозможно, мать твою? – задохнулся Кирияджи от возмущения.

– Не хотят. Даже на прогулку выходить отказываются.

Кирияджи ощутил неодолимое желание врезать старшему контролеру в дыню.

– Я тебя, козел, последний раз спрашиваю, – зловеще зашипел он, – что значит – отказываются? Здесь у вас шо, мать твою – детский сад или шо?

Старший контролер поправил кобуру и, кротко глядя в глаза Кирияджи, сообщил такое, отчего кучерявые, жесткие волосы начальника тюрьмы начали распрямляться. Григорий Харлампиевич схватился за голову – нет, с волосами все было в порядке. Не в порядке было с нервами.

Ковбасенко сказал:

– Если их перевести, они всё равно снова в семьдесят шестой обнаружатся. Ребята говорят – сигают сквозь стены. А пока они здесь, – Ковбасенко показал на дверь семьдесят шестой, – они тихие. Только по ночам исчезают, а так...

– Хватит! – завопил Кирияджи. И от невозможности что-либо предпринять рысью бросился вон из тюремного корпуса.

На этот раз Григорий Харлампиевич пил целую неделю, и не только красное вино. А потом как-то успокоился. Камера, так камера. И не такое в мире происходит. Только распорядился строго-настрого, чтобы никого в семьдесят шестую без его ведома не сажали. Смертность резко пошла на убыль, и Кирияджи успокоился вовсе. Впрочем, в таком спокойствии получилось пребывать недолго.

Как-то раз вызвало Кирияджи одно очень высокопоставленное лицо и, поинтересовавшись здоровьем Григория Харлампиевича, его жены и обеих дочерей, – "старшая твоя, кажется, в медицинский решила поступать? хочет стать медиком? лечить людей? Дело хорошее..." – ласково предложило поработать по одному человечку, подследственному. "Когда человек много знает, такой человек нам нужен. Но когда человек много говорит и не то делает, такой человек – дурак. Ты не смотри так, Гриша, не смотри. Ты-то не дурак? Не бойся, твой

предшественник не за это пострадал. А потому, что дурак. Решил на покойниках заработать, скотина. А ты, говорю, не дурак же? В общем, у тебя – неделя, чтобы решить эту проблему. Понял?"

– Понял, – ответил Кирияджи, а что он еще мог ответить?

Пришлось перевести указанного высоким лицом подследственного в семьдесят шестую, где тот через два дня умер от инсульта. Точнее, умер он не в камере, а в тюремной больнице. Потому что Кирияджи распорядился не спускать с камеры глаз, и как только обнаружилось, что поднадзорный как-то неправильно лежит, тут же вызвали врача; врач констатировал правосторонний паралич и потерю речи. Кирияджи, по правде сказать, очень надеялся, что тем все и ограничится, по крайней мере, говорить тот больше не сможет, да и писать тоже, и это устроит высокое лицо. А сам Кирияджи не будет мучаться совестью. Не тут-то было – уже в больнице последовал второй удар, и всё.

Высокое лицо позвонило на следующий день, похвалило Кирияджи за оперативность и заверило, что с поступлением его дочки проблем не будет, "если, коне-ешна-а, мы и дальше будем жить дружно". Григорий Харлампиевич чувствовал себя как по уши в дерьме.

В тот день старший контролер Ковбасенко заметил потухший взгляд начальника и посочувствовал:

– Не переживайте вы так, Григорий Харлампиевич. Там, кто хоть ночь одну провел – его хоть в санаторий отправь, все равно помрет.

Кирияджи рассудил, что плетью обуха не перешибешь, и жить, хоть тошно, но можно. И когда его навели городские оперативники, и, пригласив в ресторан, стали упрашивать "разобраться с членами банды Штыря, которым все равно на суде дадут "условно", а крови на них ой-ой сколько", Григорий Харлампиевич махнул рукой и сказал:

– Разберемся. Только шобы всё точно, как вы говорите. Шоб невинные не пострадали.

– Да мы их пасли на морозе и под дождем, – хором отвечали оперативники, – и под пулями ходили. А фотографии их жертв – хотите? Но лучше не смотреть.

Тогда Кирияджи ощутил подзабытое было чувство собственной значимости и полезности вкупе со сладким ощущением того, что ты решаешь чьи-то судьбы. Единственно, время от времени да припоминалось, как-то сама приходила на ум мысль, что в странной камере сидит окаянная четверка, и в такие моменты начальник тюрьмы спешно посылал за вином.

Сегодня окаянная четверка почему-то лезла в голову особенно настойчиво, за вином пришлось посылать трижды. Первую пили с замом по воспитательной работе. Вторую – с начальником ШИЗО. Третью пришлось пить в одиночку. Но сухое вино сегодня не помогало, и уже под вечер Харлампиевич послал за коньяком.

Как это часто случается, коньяк оказался лишним. Приняв полбутылки, Кирияджи ощутил долгожданный душевный подъем, но ноги идти куда-либо уже отказывались. По телу разлилась, словно жидким свинцом, теплая тяжесть, веки опустились, оставив взгляду небольшие щелочки, и поднять их уже было невозможно...

Машина Чичикова появилась в окрестностях городской тюрьмы за полночь. К слову сказать, тюрьма располагалась почти что в центре города, в районе старых, еще дореволюционной постройки, добротных двухэтажных зданий. Территория тюрьмы была окружена бетонным забором с козырьком из колючей проволоки. Чичиков попросил:

– Степан, ну-ка помедленнее, по встречной полосе, вдоль забора.

Опустил стекло и стал внимательно смотреть на тускло освещенные окна тюремного корпуса. Жуткая тишина царил на улице. Угрюмый каменный прищелец, окруженный гирляндой фонарей и освещаемый холодными лучами прожекторов, казалось, отгородился от чуждого ему мира людей и настороженно дремал, окутав себя чернильной кляксой безлунной н-ской ночи.

– Ага, есть, – сказал Чичиков, улыбнулся чему-то и скомандовал: – Давай к воротам.

В бумагах, составленных в библиотеке, содержалось мало полезного для Чичикова. Разве что фамилия-имя-отчество нового начальника тюрьмы да еще письмо в местной газете, паразитирующей на человеческом интересе ко всякого рода чертовщине и мистике. В письме утверждалось, что все тюремные умертвия происходили в особой камере, которая как на грех располагалась в необычайно сильной "геопатогенной зоне". Видимо, городское и губернское руководство, а также прочие сильные мира сего эту газету не читали. А вот Чичиков вырезку с письмом изучил очень внимательно, и не только глазами – прошелся, так сказать, и носом. Хотя чем могла пахнуть бумага? Конечно, типографской краской. Но наш Чичиков, как уже успел заметить читатель, проходил по разряду людей не вполне обыкновенных, и для чего ему понадобилось нюхать газету – неизвестно.

Итак, машина подъехала к воротам тюрьмы. В будке тюремного КПП дремал, согнувшись в кресле, усатый прапорщик. При звуках музыкального сигнала мерседеса – "Маленькой ночной серенады" Моцарта – вскинул голову, глянул в окно осоловело и вернулся в исходное положение. Чичиков вышел и постучал в зарешеченное окошко.

– Чего надо? – осведомился прапорщик, зацепившись мутным взглядом за перстень Чичикова.

– Кирияджи надо, – в тон ему ответил Чичиков.

– Нет его.

– Что ты мне врешь? Есть.

– А ты кто такой? Паспорт давай.

– Паспорт держи, а кто я такой – не твое дело.

Прапорщик принял документ, перелистал – между страниц обнаружилась сотенная купюра – и бросил небрежно в картонную коробку. Потом оценивающе глянул на Чичикова, поднял трубку телефона. Что-то – Чичиков не расслышал, что именно – пробурчал, выслушал ответ и сказал Чичикову:

– Ты знаешь что, если к самому – ты вина возьми. Красного. Пока пропуск писать буду.

– Степан, сгоняй за красным вином, – повернулся Чичиков к Бычку, который стоял и курил у открытой дверцы мерседеса. – Молдавского или мадьярского, и мигом.

– Заходи пока, – распахнул дверцу будки прапорщик.

– А если у меня оружие?

– Нет у тебя оружия, – тень улыбки возникла на лице прапорщика. – Вон твое оружие.

Прапорщик ткнул пальцем в цепь на шее Чичикова – тот непроизвольно отстранился.

– Не н-ский будешь? – спросил прапорщик, когда Чичиков уселся на хлипком стульчике.

– Тесно тут у тебя, – ответил Чичиков и, сделав паузу, спросил: – У вас тут, кажется, есть одна интересная камера?

– Угробить кого решил?

– С чего это ты взял, братец?

– Да так. – Прапорщик опустил голову и принялся заполнять пропуск.

Но, видимо, пикантность ситуации волновала воображение усатого прапорщика, поэтому он вновь заговорил:

– Ночью, вон, приехал. Зачем ночью-то? Ясно, из-за семьдесят шестой. Значит, завтра-послезавтра свеженького вынесут...

– Я по другой части, – угрюмо возразил Чичиков.

Прапорщик оттиснул печать на пропуске:

– На. Дорогу найдешь? Пошли, покажу.

Они вышли на тюремный двор и прапорщик показал рукой на административный корпус, аккуратное двухэтажное здание красного кирпича.

– Вон, свет горит на втором. Кабинет его. Пропуск дежурному оставишь, на входе.

Из-за ворот раздались звуки "Маленькой ночной серенады".

Прапорщик откинул щеколду и потянул створки ворот.

– Машина тут постоит.

Чичиков принял от Бычка пакет и пошел через двор. Прапорщик хмыкнул, повернулся к Бычку и спросил:

– Ну что, для нас ничего нету?

– Есть, – ответил тот и достал из салона машины бутылку водки.

– Заходи, – оживился прапорщик. – Сразу видно человека. А хозяин твой – говно.

– Я тогда закуску...

– Ну, давай закуску.

Чичиков постучал в дверь кабинета Кирияджи. Ответа не последовало, и Чичиков вошел.

В кабинете горел свет, но никого не было. Чичиков осмотрелся и увидел небольшую дверцу, словно стенового шкафа.

– Ага. – Чичиков пересек кабинет и потянул дверцу. Она вела в небольшую смежную комнатку. В комнатке имелись диван, стол, стул, полка с посудой и холодильник. На диване спал Григорий Харлампиевич – на спине, одна нога упиралась в пол, вторая покоилась на боковине дивана. Чичиков полез в свой пакет и, выставив на стол две бутылки "Каберне", нарочно звякнул ими друг о друга.

Кирияджи открыл один глаз и спросил:

– Кто ты?

– Чичиков Сергей Павлович.

Кирияджи со стоном поднялся и сообщил:

– Эк меня разморило, – посмотрел на возникшие рядом с недопитым коньяком бутылки «сахарика» и судочки с закуской и добавил: – Сергей Павлович.

Посмотрел на часы, крикнул и повторил:

– Эк меня разморило.

Чичиков хозяйским движением снял с полки второй стакан, отыскал там же штопор, откупорил бутылку и разлил по пол-стакана.

– Ты полный, полный лей, – поправил его Кирияджи. – Только эта, документ покажи. Сначала документ, а потом все остальное.

Чичиков подал ему визитную карточку.

– Ну, и где печать? И что мне с твоими телефонами делать? Ладно, давай, – он взял стакан и, не чокаясь, залпом выпил. – Понимаешь, какое дело, организм только красное принимает. А бывают моменты, когда требуется чего покрепче, для мозгов, о! Ну, от кого пришел? Чего просить будешь?

– Пришел я, Григорий Харлампиевич, сам от себя. А просьба у меня имеется. Правда, не совсем обычная, но, с другой стороны, и не обременительная.

Кирияджи каким-то новым взглядом смерил Чичикова, взял бутылку и налил себе еще стакан.

А Чичиков продолжал:

– Скажите, Григорий Харлампиевич, нет ли в вашем учреждении, так сказать, необычных постояльцев?

Кирияджи вдруг поперхнулся вином.

– Кха-гха... по спине постучи...

Чичиков с удовольствием приложился кулаком.

– Ух! Хорош... Чего тебе надо?

– А надо бы мне сделку с вами заключить, Григорий Харлампиевич, чтобы вы уступили мне по сходной цене души таких вот постояльцев. Они у них все равно мертвые.

– Кто? – не понял начальник тюрьмы.

- Души, кто ж еще, – с какой-то тоской в голосе обронил Чичиков.
- Не понял.

– Сейчас. – Чичиков достал из внутреннего кармана пиджака сложенную вчетверо бумагу и следом за ней – ручку, черный «паркер» с золотым пером. – Вот купчая. Заключим купчую, да и всех делов. Признайтесь, уважаемый Григорий Харлампиевич, вам ведь до чертиков надоели постояльцы из семьдесят шестой камеры?

В нездоровом желтом свете, падавшем от настольной лампы, что стояла на полке среди посуды, Чичиков увидел, как вытягивается лицо Кирияджи. Веки его стали мелко подрагивать, а глаза воровато стрельнули куда-то вниз.

- Ты откуда это знаешь? – сиплым шепотом спросил он у Чичикова.
- Сколько у вас их там? В купчую нужно внести по полной форме.
- А? А-а... Четверо... Да кто ты такой?
- Я же докладывал – Чичиков. Вам моя фамилия ничего не говорит?
- Я тебя спрашиваю – кто ты такой?
- Ну, скажем, по сто долларов за душу... – задумчиво обронил Чичиков.

Выражение лица Кирияджи стало совсем скотским. Он почувствовал, что сейчас зарычит как вепрь, и, может даже, встанет на четвереньки.

- Не хотите по-сту? Готов накинуть, в разумных пределах.
- А что ты с ними сделаешь?

– По заключению купчей мертвые души переходят в мое безраздельное владение. Вас, очевидно, интересуют тела? Тел не будет. Собственно, у них давно уже этих самых тел, в общем-то, нет. Так, одна видимость. Вот сами убедитесь.

Что-то хитрое и диковатое мелькнуло в глазах Кирияджи:

- Это будет побег.
- Почему побег?

– Нет тел – значит, сбежали. Вот если бы трупы, тогда другое дело. А так, меньше чем за тыщу... Места могу лишиться.

– Ну, Григорий Харлампиевич, будет вам – один раз проведете тот же трюк, что ваш уважаемый предшественник. Людей нет – а их досрочно на свободу отпускают. Двести пятьдесят.

- Хрен тебе. Тысячу. Я как Егорка садиться не хочу.
- Помилуйте, это грабеж! Чем вы рискуете, посудите сами!

– А вот чем, – осенило Кирияджи. – Я тебе, сукин сын, вообще шиш продам. Вдруг камера испортится?

Чичиков громко расхохотался:

– Ах, вот вы о чем хлопочете! Понимаю вас. Руки пачкать кому охота? А так – определил в семьдесят шестую, и все происходит как бы само собой. Ну, так вот, что я вам скажу. Они в ней сидят не просто так. Они при этом, Григорий Харлампиевич, забирают вашу душу. Убивают. Глазом не успеете моргнуть, как она и концы отдаст. А тогда я у вас её даром заберу. Потому что предупредил. Честно. Такие пироги, Григорий Харлампиевич. Триста кладу, а с камерой ничего не станется. Как работала, так и будет работать, – соврал Чичиков.

– Ты это точно знаешь? – Кирияджи взмок, голова его кружилась, он сейчас мало что соображал, но очень ясно чуял страшную опасность. Почему-то сейчас он верил Чичикову.

- Кому, как не мне это знать?
- Дьявол ты... Сатана.

– Ну, так уж сразу и дьявол, – довольно улыбнулся Чичиков. – Я деловой человек, у вас есть товар, у меня есть предложение. Триста пятьдесят.

- Триста пятьдесят на четыре, – прикинул Кирияджи. – Мало. По пол-тыщи бы...

– Значит, по рукам? Сейчас заключим купчую, разопьем по такому случаю еще бутылочку...

– Купчую покажи.

– Извольте, – Чичиков протянул бумагу.

Кирияджи принялся читать. Буквы скакали перед глазами и не хотели складываться в слова.

– А впрочем, к делу, – сказал Чичиков. – Вы давайте, хе-хе, данные, я сам впишу.

Кирияджи на ватных ногах выплыл в кабинет. Дела на окаянную четверку лежали у него отдельно, в ящике стола. Он трясущимися руками достал папку и молча отдал ее Чичикову.

– Но ведь никакого криминала? – спросил он вдруг.

– Совершенно никакого. Где это вы видели, чтобы торговали душами, да еще мертвыми? Заметьте, уже мертвыми, а не такими, которые кто-то собирается убить. Что за товар? Так, воздух, даже не пар, хе-хе. А вы на руки наличными две тысячи долларов. В общем-то, ни за что.

Все это Чичиков говорил, перелистывая страницы и вписывая нужные данные в купчую.

– Ну вот, готово. Подпишем. Заметьте, две тысячи вписаны числом и прописью. Я ставлю подпись первым, – с этими словами Чичиков лихо расписался на купчей. – А вот и ваши деньги.

Он вынул из кармана перевязанную красной резинкой солидную пачку стодолларовых купюр и неторопливо принялся отсчитывать. Кирияджи гулко сглотнул слюну и потянулся за купчей. Но побоялся взять в руки и потому стал читать, как лежала, к нему боком. Чичиков закончил отсчитывать и спросил:

– Все в порядке? Вы подписываете.

Кирияджи как сомнамбула протянул руку к деньгам, но отдернул.

– А деньги настоящие?

– Помилуйте, мой паспорт записан и лежит на проходной, моя визитка у вас в кармане, куда я от вас денусь?

– Паспорт можно подделать, а визитка это тьфу.

– Ну, знаете, Григорий Харлампиевич, не ожидал от вас такой мнительности.

Кирияджи все-таки взял деньги, точнее сгреб их в ящик стола. Он даже не удивился ясности той мысли, что пришла вдруг ему в голову: "Какая, хрен, разница – настоящие, ненастоящие, ничего, кроме этой сраной "купчей" в этом деле нет. Не пойдет же он за ними в камеру! А как и вправду помрут – сто пудов с себя скину".

– Давай! – принял у Чичикову ручку, недобро рассмотрел ее, повертел в руке.

– Не волнуйтесь, никакой крови. Английские чернила. Ну же! – От нетерпения Чичиков даже подпрыгнул.

Григорий Харлампиевич гадливым движением черкнул автограф. Чичиков тут же выдернул купчую, подул на подпись и, любуясь ею, произнес:

– Дело сделано. Поздравляю. Думаю, винцо вы сами, а я откланиваюсь. Попрошу сочинить мне пропуск на выход.

Кирияджи хмуро поднял трубку одного из телефонов и куда-то позвонил.

– Семенов, от меня выйдет человек,пусти.

– Спасибо, – сказал Чичиков, – прощайте.

А в дверях вдруг повернулся и, подмигнув, спросил:

– Так мне на вашу душу рассчитывать, или как? – И покинул кабинет.

Откинувшись на спинку сиденья мерседеса, Чичиков произнес:

– Уф-ф. Устал как собака. Гони в гостиницу. Пора баиньки.

В номере он разделся, не спеша принял душ, не спеша откусал цыпленка-гриль, которого, пока он мылся, принес из ресторана Степан, и в прекрасном настроении отошел ко сну. Уснул как ребенок, мгновенно.

А Кирияджи весь остаток ночи так и не сомкнул глаз. Первым делом он хватил остаток коньяка, чтобы "разгрузить мозги". Разгрузив, побежал, а вернее, нетвердой походкой порысачил через темный двор к тюремному корпусу. Вызвал дежурного по второму этажу. По тюремной, зарешеченной лестнице, с трудом сдерживая рвотные позывы, Кирияджи наконец достиг двери проклятой камеры, и, стукнувшись об нее лбом, припал к глазку. Охранник сказал:

- А там ничего не увидите. Ночью их не бывает.
- Следить! – хрипло приказал Кирияджи. – Глаз не спускать, твою мать. Когда?
- Что?
- Когда возвращаются, говорю?
- Утром, ровно в шесть.
- Чтоб в шесть доложили мне. Лично.

Вернувшись в кабинет, Кирияджи, стал расхаживать из угла в угол, размахивая руками, время от времени заходя в заднюю комнату, чтобы погасить вином очередной приступ тошноты. Чем меньше оставалось до шести часов, тем муторнее делалось Кирияджи. Наконец, он понял, что еще вот-вот, и начнет биться головой о стену. Схватил стул и что есть силы стал колотить им о пол, пока в руке не осталась одна лишь ножка. Потом достал из сейфа пистолет и принялся палить в потолок. Грохот выстрелов несколько успокоил нервы. Кирияджи подумал – не запустить ли в стену пустой бутылкой, но зазвонил телефон. Вахтенный интересовался – все ли в порядке, на что Кирияджи ответил: "В порядке, тараканов бью", – и швырнул трубку вместе с телефоном на пол. Потом открыл окно – глотнул воздуха, такого же серого, как и наступающий рассвет, притащил на подоконник кучу пустых бутылок и принялся швырять во двор. Не удовлетворившись и этим, Кирияджи сбежал по лестнице вниз, и, схватив за грудки вахтенного, лейтенанта внутренних войск, выволок того наружу и заорал, тыча пальцам в осколки стекла:

– Это что за, мать твою, бардак на территории? Распадлючились! Это тебе тюрьма или шо? Детский сад или лицей, мать твою? Немедленно убрать!

Лейтенант отправился в караулку за солдатом с веником, а Кирияджи волком кинулся к воротам КПП.

- Ты зачем постороннего мне пропустил?! – набросился он на прапорщика.
- Тот стоял очумелый, боясь открыть рот. А Кирияджи бушевал:
- Почему молчишь? Отвечать!

Прапорщик молчал из опасения, что стоит открыть рот, как тут же обнаружится перегар. Но потом сообразил, что начальство само еле на ногах стоит, и заговорил:

- Так я, как положено, зарегистрировал.
- Зарегистрировал? – задохнулся Кирияджи. – Все уничтожить. Нет, я сам.

Он схватил журнал регистрации, выдрал на глаз с десятков листов, и, не слушая восклицаний прапорщика: "Пронумерованы ведь! прошнурованы! Печать!", – побежал, комкая их на ходу, обратно в кабинет. На этаже забежал в уборную и спалил листы в раковине.

В шесть пятнадцать, наконец, позвонили из тюремного корпуса и сообщили, что семьдесят шестая стоит пустой. Кирияджи как-то сразу успокоился, уселся за стол и подумал, что надо дать замам задание готовить липовые документы, захоронения. "Лучше мертвые, чем беглые. И чтоб даты смерти были разные. Сильно разные. Да эти, что и не жили. Никто не хватится, никому не нужны".

Григорий Харлампиевич уронил голову на руки и наконец-то уснул.

Глава 3. «Мы из Эъ»

Среди множества фирм и фирмочек города Н. существовала одна ничем не примечательная торговая контора, с магазином, складом и офисом. И было у неё странное до неприличия название: «Эъ». Магазин располагался в выгодном месте, на перекрёстке двух главных улиц города. Торговали элитными стройматериалами, кое-какой мебелью и дорогими сувенирами. Магазин этот успел прославиться одной удивительной закупкой, совершенной городским Головой. Мэр закупил сувенир из Швейцарии – двух огромных хрустальных лебедей, на хрустальном же блюде-озере. То ли за сто тысяч долларов, то ли дороже. Одним словом, сувениры от фирмы «Эъ» были достойны городской элиты.

Владел фирмой Валентин Павлович Шкурченко, человек решительный, самодур и пьяница. И находилось у него в услужении четверо офисных работников, а со вчерашнего дня – пятеро.

Офис, в отличие от магазина, занимал обычную квартиру на первом этаже жилого дома и с центральными улицами прямо не сообщался. Налоговой службе, скажем, для плановой проверки, было бы довольно затруднительно его обнаружить. На должностях в офисе сидели: специалист по растаможиванию грузов, пожилой, лысоватый толстяк Сычага, бухгалтерша Людочка и секретарша Светочка, обе дамы неопределенно-моложавого вида, а также Потёмкин – эксперт по продажам.

Пятый, новый сотрудник, устроился туда по протекции, буквально через два дня после защиты диплома. Звали его Артем. Пока учился на старших курсах, на инженера-электронщика, подрабатывал разработкой простеньких бухгалтерских программ для магазинчиков и небольших фирм, впрочем, написанных так, чтобы хозяин фирмы видел в отчете одно число, а, к примеру, налоговый инспектор – совсем другое. Вот один из таких хозяев, друг детства владельца фирмы "Эъ" и рекомендовал ему Артёма как человека вполне надежного.

Первым заданием босса было "сделать так, чтобы в случае чего ничего не нашли". Дело в том, что распространенные повсеместно компьютерные операционные системы отличались неприятным для любого делового человека свойством – они ничего из записанного на компьютер не уничтожали, а только делали вид, что уничтожают. Между тем, нередко были в Н. случаи, когда в контору делового человека, не потравившего большому начальству, вламывались люди в масках и, положив персонал на пол, изымали из офисов компьютеры.

Сделать уничтожитель опасной информации было делом простым. Однако нужно посидеть недельки три, чтобы изучить, какая информация представляет опасность, а какая нет, то есть специально приготовлена для отчетности. А разобравшись самому, все это объяснить программе. Но босс задание поставил в несколько невыполнимой форме, по правде сказать, – вовсе в невыполнимой. Нежелательную информацию следовало "так уничтожить, чтобы на следующий день снова можно было использовать". Интересно, как? Разве что приглашать к проверке исключительных придурков?

Артёму подумалось, что, наверное, в солидных фирмах так и работают – решают невыполнимые задачи. Он был слишком молод, чтобы рассудить более здраво: потому у этого босса и есть вакансии, и всего четыре работника, что донимает подобными глупостями. Зато ему сразу положили оклад в двести долларов с возможностью роста.

Итак, Артём сидел за рабочим столом, пил кофе и вяло размышлял, как же подступиться к делу. Через час размышлений придумал, что хорошо бы использовать переносной жесткий диск, так называемый "чемоданчик". Чего проще – всю скользкую инфу держать на нем, а чуть что – выдергиваешь его и в окно, или в унитаз. Успокоившись на этот счет, он неожиданно ощутил сонливость. Еще подумал: "Ты смотри, кофе, а спать хочу, перенервничал на новом

месте?" Опустил Артём голову на стол. Успел только подумать, что проблему данных можно решить по-другому, методом двух паролей, и уснул.

Тук. Тук-тук. Тук-тук. Что-то равномерно постукивало. Артём поднял голову. И поймал себя на интересном ощущении – словно он здесь, в этой комнате, в которой оказался, в общем-то, впервые, когда-то бывал, только, наверное, мебель стояла несколько иначе, может, другое время суток было, или другая пора года. В общем, что-то было по-другому.

Сидевший напротив сосед по комнате Потемкин выстукивал стены. Его рука каким-то непостижимым образом удлинялась, ударяла со звуком бильярдного шара о стену, отскакивала как мячик, ударяла в противоположную стену... Сам же Потемкин имел постную, если не сказать, отсутствующую, физиономию, и, казалось, нисколько не замечал, что выделяет его рука.

Потемкин подмигнул юному коллеге и спросил:

– Ну, как? Как оно?

Что "как", что "оно", Артём не уловил. Собрался было ответить, даже рот открыл, однако подумал: "А что я собираюсь сказать?" – и понял, что сказать ему нечего, а между тем, разговор надо бы поддержать. Ему показалось, что поджарый Потемкин знает, что он собирался сказать, в то время как сам Артём не знал, что же именно.

– Это еще что, – продолжал Потемкин. – Пойдем, не такое покажу.

Артём послушно поднялся, они зашли в смежную комнату к плешивому Сычаге. Специалист по растаможиванию грузов занимался чем-то невообразимым и вместе с тем сродни тому, что делает человек, когда хочет убить время, как-то занять себя: скажем, постукивает карандашом по столу или напевает какой-нибудь навязчивый мотив. В общем, Сычага выворачивал себя наизнанку. Сначала наизнанку, а потом обратно, и так раз за разом. Сперва исчезала одежда, вслед за ней кожа вместе с волосами, обнажая неприятно-желтый подкожный жир, под которым обнаруживалось налитое кровью мышечное мясо. Потом оставалась одна кроваво-грязная масса. По образовавшейся поверхности плавали разноцветные, самых неприятных оттенков, студёнистые потеки; когда Сычага выворачивался обратно – на нем по-прежнему был сухой и чистый костюм.

Потемкин пояснил:

– Представь, что выворачиваешь шар наизнанку. Ведь невозможно, так?

И довольно улыбнулся. Сычага же хмыкнул; был он при этом в фазе полупогружения, то есть, обозримы были только ребра и кишки.

Вошла секретарша Светочка. Не обращая на присутствовавших никакого внимания, она принялась чертить пальцем на стенах, дверях, столах загадочные знаки. Знаки вспыхивали, переливались радужно и медленно растворялись.

Потемкин снова подмигнул и потянул Артёма за рукав в третью комнату конторы, в бухгалтерию. Бухгалтерша Людочка с брезгливой миной вертела в пальцах зажигалку, тоже помеченную, наверное, той же Светочкой, радужным знаком. Одним словом, вела себя как нормальный человек. Вдруг бухгалтерша размахнулась и запустила зажигалкой в окно. Окно было закрыто жалюзи. Зажигалка исчезла, должно быть, пролетела и сквозь жалюзи, и сквозь стекло. Потемкин, улыбувшись, сообщил:

– Так умеет только наша Людочка. Она наш телепортер.

– Кто вы? – спросил Артём.

– Мы – сопутствующие, – ответил Потемкин так, словно этим все объяснил.

Артёму стало все равно. Он зевнул и побрел в свою комнату. Но не дошел, потому что вдруг пропел мелодичный звонок – в контору пожаловал босс, и Артём проснулся. Он машинально глянул время на дисплее компьютера и присвистнул: проспал без малого четыре часа.

– Ну что? – с порога спросил Шкурченко.

– Разбираюсь, – деловым, как ему казалось, тоном, ответил Артём. – Думаю, я знаю, как сделать. Надо...

– Ладно, работай, – перебил босс, а сам недовольно подумал: "Еще одного бездельника взял".

И принялся орать на Потемкина:

– Почему мне присылают отказы?! Я вам, бездельникам, деньги плачу не за то, чтобы мне отказы приходили! Где счет-фактура на контейнер из Бельгии?

– У Сычаги, – равнодушно пожал плечами Потемкин. – Я ознакомился и передал.

Босс ринулся в соседнюю комнату, и крик рвался уже оттуда. Потемкин же подмигнул Артёму. Артём так и не понял, насчет чего на сей раз подмигнул Потемкин – насчет босса, или того, что творилось во сне. Отчего-то казалось, что насчет второго. Наверно, казалось так оттого, что Потемкин чересчур равнодушно отнесся к эмоциям босса. А может, сон был слишком странным – странно пришел, странно оборвался.

– Тебе коньяка налить? – осведомился Потёмкин, доставая из шкафчика бутылку и две рюмки.

В двери заглянула бухгалтерша Людочка:

– Потемкин, дай огоньку! Я опять осталась без зажигалки...

А что же Чичиков? Наутро после "тюремной ночи", он, отоспавшись и плотно позавтракав, решил вновь ехать на морские купания. Степан с кислой миной уселся за баранку мерседеса, Чичиков расположился, по своему обыкновению, на заднем сидении, и они покатали из города. В дороге Чичиков изучал вырезки и заметки из мышкиной папки.

Чичиков во всем любил порядок и уделял много внимания мелочам. Если бы он жаловал французских мудрецов с их любовью к максимам, он бы и сам сочинил нечто наподобие короткого выразительного девиза, скажем – "мелочи – это все!", или посложнее – "мелочи – всегда больше, чем мелочи!". Так вот, он стал искать римскую цифру два, которой должен был быть помечен раздел, следующий за тюремным. Ее не было! "Мышка старательная, но несобранная", – укорил он мысленно безымянную составительницу досье и углубился в чтение.

Читая, Чичиков то и дело хмыкал, чмокал, цокал языком – столько жалкой дребени происходило в этом городишке. Какое-то уфологическое общество, какие-то контакты с пришельцами из иных миров с похищениями тележек для покупок в супермаркете «Золотой бум»... Технологический университет поражал воображение городского обывателя то прорывом на мировой рынок высоких технологий, то таинственными экспериментами с какими-то "врачательными полями" и чудесными явлениями, их сопровождающими, то новыми, небывало вольными правилами поступления. Чичикова из всех чудес Технологического университета позабавило лишь наглое им присвоение себе звания "академический" да отчет об экспедиции в Гималаи, где на высоте восьми тысяч метров был водружен флаг Технологического. Альпинист, бывший выпускник, чертыхался, рассказывая, как он пер на себе этот символ альма-матер там, где каждый грамм тянет на десять тонн.

Зазывальные сведения о магах, целителях и всевозможных тетеньках и бабушках-провидицах Чичиков просто пропускал. В отдельном файле были собраны сведения о всяческих сектах и течениях. Было их в городе великое множество. Чичиков брезгливо полистал, остановился на некоем Обществе трансцендентальной медитации, не потому, что заинтересовало слово "трансцендентность", а потому, что статья была о чудесном исчезновении незнамо куда местного гуру-йога, по совместительству преподавателя все того же Технологического университета, во время показательной медитации во Дворце спорта. Гуру трижды исчезал и появлялся, чему были свидетелями тысячи людей, а также объективы видеокамер и фотоаппаратов. Чичиков посмотрел на фото преподавателя, цыкнул зубом и произнес в задумчивости: "Делать людям нечего..."

Местный же университет, то есть просто университет, выглядел на фоне технологического тезки-самозванца бледновато. Видимо оттого, что в нем, главным образом, занима-

лись образованием и наукой. В интервью с ректором речь шла о создании при университете научного центра, в котором будут представлены все возможные науки, где студент сможет и учиться, и двигать науку. Здесь же ректор с обидой упоминал о противодействии его замыслу со стороны Института Прогрессивной Кибернетики, выросшего в свое время из их же, университетских недр.

Чичиков остановил внимание на словосочетании "прогрессивная кибернетика". И принялся живо перебирать бумаги в поисках еще какого-нибудь упоминания об этом институте. Но, увы, видимо, это учреждение нимало не задело воображение мышки. Впрочем, как осталась вне поля зрения целая куча научных и иных учреждений. Чичиков поморщился, обозвал составительницу обзора непечатным словом. Захлопнул папку и бросил ее в сердцах на сиденье.

Поглядел в окно – машина мчала по трассе, разделенной зеленым газоном. Взгляд Чичикова упал на стоявшую у обочины встречной полосы иномарку с задраным капотом. Водитель ковырялся в ее внутренностях, а хорошо одетый человек, с виду – прокурор или депутат, энергично рубя воздух рукой, что-то орал в мобильник.

– Степан, ну-ка, давай к ним, – распорядился Чичиков.

– Сейчас, Сергей Павлович, разворот будет, – невозмутимо отозвался привыкший к капризам Чичикова Бычок.

– А поскорее нельзя?

– Можно, – согласился Бычок и, сбросив скорость, переехал на встречную прямо по газону.

– К пежо рули.

Остановились возле терпящих бедствие. Чичиков опустил стекло и спросил:

– Проблемы?

– Да видишь, братик, – смерив Чичикова цепким, все же скорее прокурорским, а не депутатским взглядом, от колес его машины до собственно физиономии, ответил тот, – вроде бортовой компьютер сдох. Хана дело.

– Микросхемы, мать их, – пробормотал Бычок.

Чичиков неторопливо выбрался из машины и, расплывшись в улыбке, протянул руку:

– Чичиков.

– Иван.

К слову сказать, блестящие у обоих на шеях золотые цепи были примерно одинаковой толщины и размера, поэтому между собеседниками сразу же установились равные взаимоотношения. Оба как-то вдруг ощутили необычайное взаимное расположение. Скажем же пару слов о новом знакомом Чичикова.

Иван Федорович Мотузко был человек целеустремленный. Начав во время оно банщиком в номенклатурной бане, Мотузко, на манер летящего ядра, сумел сделать приличную карьеру, то есть поднялся весьма высоко с удивительной даже для новых времен скоростью. Однако, достигнув назначенной ему вершины, он, в отличие от ядра, хоть и замедлил полет, но все же не упал. Был он высок, крепок телосложением, а черты лица были той примечательной твердости и воли, что отличает образ работника НКВД из фильмов времен перестройки. Даже любезно улыбаясь, Иван Федорович смотрел так, что казалось – сейчас он произнесет нечто такое, отчего судьба собеседника, а может и не только его, а и всего государства, в один миг изменится радикальнейшим образом. Подает вдруг команду: "Молчать! Лицом к стене!", и увенчает дело коротким и решительным: "Залпом пли!" Впрочем, ничего подобного он себе не позволял, предпочитая говорить то, что собеседник хотел бы слышать. Многие считали Ивана Федоровича человеком недалеким и на этом сильно погорели.

Вскоре пежо Мотузко было взято на буксир, а сам он сидел в машине Чичикова и рассказывал тому о своих неприятностях. Выяснилось, что он таки прокурор, но, увы, все еще районного масштаба.

– Представь, Серый, – рассказывал он Чичикову, – шесть лет, как Буратино, на заочном юридическом. В наше время без диплома уже нельзя. Зачеты, экзамены, а это всё бабки. Должны были сразу на город посадить. Суки! Зачем шесть лет учился, чтобы в районе упираться? Где справедливость? Когда надо кого вытащить – к Мотузко. Одного мудака от «вышки» спас, сто штук мне обещал, козлина... Кого опустить ниже плинтуса – к Мотузко. А когда Мотузко на дороге встал, ни один шакал не подъехал. У всех дела, понимаешь. Один ты, Чичиков, человек!

Тут зазвонил мобильник, и Мотузко заговорил совсем в иной манере – ожесточенно и зло, да, в общем-то, скорее, заорал:

– Ну и что ты мне втираешь? Где твой Игорь?! Его разорвали, понял?! Разорвали! Иди к Тихонычу, иди куда хочешь! – дал отбой и в прежнем, совершенно дружеском тоне продолжил: – А давай, Серый, загоним мою тачку на техсервис и махнем в кабак?

– Давай! – запросто согласился Чичиков.

В дороге Чичиков расспрашивал Мотузко о городских делах, тот же, довольный сторонним собеседником, охотно распространялся об н-ских нравах.

– Вон, – кивнул Мотузко на витрину шикарного магазина, – магазин фирмы "Э".

– Странное название, – заметил Чичиков рассеянно.

– Название странное, а фирма сраная! – хохотнул Мотузко. – Нет, братик, все чики-чики, элитные стройматериалы и все такое, даже мэр там гуся покупал. Только люди оттуда бегут.

– Вот как, бегут? – так же рассеянно заметил Чичиков и подумал: "Запомню".

– И дела вроде путём, и все у него схвачено, а хорошие специалисты – больше двух месяцев не держатся. Что возьмешь с бывшего мясника? – объяснив одним этим вопросом все затруднения фирмы "Э", подытожил Мотузко.

В этот момент он был совершенно искренен и совсем не помнил, что тоже когда-то был не академиком.

– Стоп, Бычок! – вдруг, с неожиданным волнением, потребовал Чичиков.

Тормоза мерседеса взвыли, и он неловко ткнулся в бордюр.

– Чо ты, Серый? – удивился Мотузко.

– Подожди. – Чичиков впился взглядом в придорожный рекламный щит.

"Вы хотите стать гениальным? Быть может, Вы – гений! Мы откроем миру Ваш талант! Лечебно-методический центр при Центральной городской клинике приглашает всех желающих протестироваться на гениальность!".

Улыбающийся дядька в белом халате панибратски обнимал за плечи лохматого Эйнштейна.

– Плодовитый городок, – выдохнул Чичиков. – Езжай, Степан.

– Психи, видал? – жизнерадостно, в своей манере – вопросом, пояснил Мотузко.

– Так это психдиспансер шутит?

– Ха, диспансер! Тут целый цирк, братик. Не верь глазам своим. Написано – центральная клиника? Читай, психолечебница. Читаешь – психолечебница, а это ни хрена не психолечебница, это Институт Прогрессивной Кибернетики. Думаешь, всё? Хрена всё, прогрессивную кибернетику органы курируют. А я тебе как человеку скажу, – есть у меня там человек, – так вот, им эти органы до одного места, они там делами покруче занимаются.

Чичиков нарисовал на лице гримасу крайнего изумления, а Мотузко, польщенный произведенным впечатлением, понизил голос и значительно добавил, словно заколотил последний гвоздь:

– Они там чакры раскрывают...

"Чакры ему... Много ты знаешь, что они там раскрывают", – подумал Чичиков и решил в ресторан не ехать, расслабляться время еще не подошло. Но тут же передумал – Мотузко такой, что, пожалуй, обидится, а он еще Чичикову пригодится.

Ресторан носил странное, на вкус Чичикова, название: "У "Титаника". Однако народ бойко выпивал и закусьвал за столиками затонувшего корабля. Мотузко мясных блюд заказывать не стал, только рыбные и салаты, сообщил, что мяса не ест уже три года и прекрасно себя чувствует. Не взял он и водки, лишь бутылку шампанского, из которой выпил едва ли полфужера, а все больше подливал Чичикову.

За обедом говорили о пустяках, вроде перспектив коммунистов на грядущих выборах. Чичиков скучал. Наконец, поели-попили, и Мотузко предложил:

– Давай, братик, девочек выдернем. У меня девочка сейчас – закачаешься. Семнадцать лет, ноги от шеи, фигура. Я тебе честно скажу – водки я выпить, как видишь, – Мотузко кивнул на шампанское, – не любитель, всякой наркотой – ни-ни, а вот девочек люблю. Влетаешь, конечно, на бабки, а что делать?

Чичиков открыл было рот, но Мотузко слова вставить не дал:

– Слушай, Серый, у моей девочки подруга – закачаешься. Чеченка, между прочим. Огонь девка. Как-то разговор зашел, так она говорит: "Я, Иван Федорович, всегда на все готовая. Я и трусы не ношу, попробуй". Нет, ты веришь, я ей руку под юбку – и правда, голая. Ну, так как?

Чичиков хотел произнести фразу насчет интернационального города Н., чтобы соскочить с темы. Но успел только сделать страдальческое лицо. Мотузко понимающе заулыбался:

– Не бойся, девочки чистые. А вообще, ты прав, у нас в городе на кого попало лезть не стоит. Первое место по СПИДу, и все такое... Не хочешь? Ну и правильно. Правильно, о душе тоже думать надо. Ты не думай, братишка, что я о душе не думаю. Очень даже думаю. Было дело, Тибетом увлекался. Даже съездил туда два раза. Ну, у них там главное – чакры. Но не то оно все. Мы ж русские люди, православные. Я на иконы перешёл. Есть у меня двое грамотных ребят, у них только покупаю – и себе, и на подарки.

– В иконах разбираться надо, – сказал Чичиков, просто, чтобы что-нибудь сказать.

– Так я и говорю – грамотные ребята.

– Не нажухают?

– Так они ж, красавцы, не только грамотные, они еще и умные. Вот был недавно день рождения у начальника ГАИ – я ему икону красивую, блестящую, всего за сто баков, он доволен. Теперь могу ездить как король, – тут Мотузко помрачнел, вспомнив о поставленном в ремонт пежо. – Короче, если тема интересует, могу познакомить с человечками...

– Ты меня лучше с фирмой "Эъ" познакомь, – предложил Чичиков.

Мотузко смерил собеседника таким интересным взглядом, что тому не без усмешки подумалось: "Сейчас отдаст команду расстрелять". Но прокурор продолжал вполне ровно.

– А что, интересно? Нет проблем. – Мотузко взялся за телефон. – Алло! Алло, Валек? Как ты, братишечка? Тут у меня человек, твоей темой интересуется... Да, по делу. Кто? – Мотузко пощелкал пальцами, и Чичиков вложил туда свою визитку. – Генеральный директор фирмы "Гадес". Очень нормальный человек. Когда? Ага. Ага. Понял, спасибо. Давай, Валек, всех благ... Всё, нет проблем, – сказал Мотузко Чичикову. – Сегодня в восемь вечера. Помнишь, магазин проезжали? Там, на втором этаже...

– А в Институте Прогрессивной Кибернетики у тебя никого нет?

– Экий ты, Чичиков, хват! – восхитился Мотузко. – До всего у тебя дело... Есть человек, но ты к нему сам. Куратор ихний, полковник Паляница. Скажешь, что я направил. Он мужик толковый. Прозвище, знаешь, у него какое? Лаврентий. Думаешь, обижается? Хрена, доволен. А вообще, лучше бы ты...

Мотузко задумался на мгновение, махнул рукой, глянул на часы:

– Ну что, Серый, по коням? Время. Эй, ласточка, где там наш счет?

Расстались сердечно, как лучшие друзья. Однако не успела машина Чичикова скрыться за углом, а Мотузко уже звонил Палянице.

– Алло? Привет доблестным чекистам. Слушай, Славик, тут к тебе человечек скоро нарисует. Душевный человечек, только сильно любопытный. Ага. Ты пробей на всякий пожарный по своим каналам, что он и как он. – Мотузко продиктовал в трубку данные Чичикова. – Записал? Ага. Да, в субботу как всегда. Давай.

И неторопливо зашагал к ожидавшему неподалеку такси.

Заканчивался рабочий день Артёма. Заканчивался поздно, около восьми вечера, потому что работники фирмы "Эъ" не могли уйти из конторы без разрешения босса. Бывало, и до полуночи упирались.

– Ну вот, поработали, – сказал Артём.

Потемкин, в который за сегодня раз, задал вопрос:

– Коньяка налить?

– Спасибо, ограничусь кофе.

Потемкин достал из навесного шкафчика пузатую бутылку "Хэнесси" и стопочку. Молча налил и молча выцедил.

– Порядок.

Затем аккуратно спрятал бумаги в стол, выключил компьютер, но уходить не стал, а сел на диван под кондиционер в ожидании босса.

Пижонистый Потемкин нравился Артёму. Не задирал нос, не указывал, что называется, молодому сотруднику его место. Без уговоров присоединился к рутинной работе – перебирать базы данных магазина и склада, подсказывал, какие из них можно похоронить навсегда, какие оставить, но засекретив, а какие подготовить для пытливого ока проверяющего.

И еще тем был любезен Потемкин Артёму, что умел успокоить его после частых, на манер печенежских, набегов босса. Тот являлся в контору не менее трех раз на день и всякий раз бывал истеричен и зол. Даже успел пригрозить Артёму понижением оклада. На что Потемкин заметил:

– Наложу. Не понизит, просто боится, что у тебя не выйдет. Пугливый он.

Сегодня босс под занавес не нагрнул – позвонил и дал команду расходиться. Это подняло Артёму настроение, к тому же, бухгалтер Людочка вручила ему в конверте аванс – пятьдесят долларов. Артём вышел из подъезда и, попрощавшись с Потемкиным, пошел провожать секретаршу Светочку к троллейбусной остановке. Оставив ее там, направился своей дорогой. Идти до дому было минут двадцать, он любил эти вечерние прогулки, летний закат, какую-то вечернюю легкость, разлитую в воздухе. Прохожих мало, разве что собак выгуливают, всюду зелень. Но сегодня черт дернул сократить путь, воспользовавшись проходным двором.

Он вошел под арку, и вдруг возникло то же ощущение дежа-вю, что и в первый день в конторе. словно когда-то он шел так же с работы, но то ли осенью, то ли утром. Опять было что-то не так.

– Стой, педик, тихо. Не рыпайся. – Перед Артёмом возникли двое молодых людей крайне неприятной наружности. Глаза их не выражали абсолютно ничего, словно были из олова.

Артём обернулся – сзади стояли еще двое.

– Часы снимай, – распорядился первый.

Второй добавил:

– И «кроссы», и джинсы. Бабки давай.

Артём испугался, и поэтому сделал то, что делать было вовсе не нужно – заорал. Заорал что-то вроде "помогите", совершенно не выговаривая согласных. Вместо того чтобы рвануть что есть мочи, побежать: все ж лучше, чем стоять на подкашивающихся ногах, да ещё орать.

Первый вскинул руку – в лицо ударила струя из газового баллончика, а второй двинул в ухо, и Артём упал. Кто-то больно наступил на шею, подбородок уперся в асфальт. Левую руку вывернули и сорвали часы.

Артём уже не кричал, не шевелился и не чувствовал своего тела. Только страх – жуткой, никогда не испытываемой степени. Газ, правда, оказался слабым, глаза залили слезы, но не более. Ребята отпустили его и не спеша разглядывали добычу:

– Что за котлы? – спросил третий, по голосу – старший.

– По-иностранному написано.

– Давай сюда. Посмотри, Шило, что там у него еще...

Артёму показалось, что этого страха он больше не вынесет, и он, неожиданно для себя, прямо с асфальта, так сказать, с низкого старта, рванул, куда глаза глядят.

– Стой, козел, убью! – раздалось сзади.

Артём невольно, всё из-за того же страха, оглянулся, и успел заметить, как тот, с взрослым голосом, вскинул руку, в руке было что-то черное и блестящее.

Он запнулся о свою же ногу и упал. Но об асфальт почему-то не ударился...

Артём открыл глаза. Напротив него, на краешке стола сидел Потемкин и глядел так, словно Артём только что отмочил мировую шутку.

– Я что – спал? – хрипло спросил Артём и машинально посмотрел на дисплей, чтобы узнать время, но тот был выключен.

Он поднял руку с часами – часов не было. Болели плечо и подбородок.

– Людочку благодари, – сказал Потемкин. – Нашего телепортёра. А времени сейчас – шесть часов. Реверс.

– Реверс... Ну ни фигя себе.

– Нравится, да?

– Ничего, – неуверенно произнес Артём.

– Так коньяка налить?

– Лей.

– Ну вот, – обрадовался Потемкин и достал из навесного шкафчика две стопочки. – Знаешь, Тёма, одному пить все же неудобно.

Выцедив стопочку, Потемкин засобирался домой.

– Пошли, босса все равно не будет.

– Почему? – тупо спросил Артём.

– Разве забыл, как мы сегодня в восемь уходили? Пойдем, я тебя подвезу.

Валентин Павлович Шкурченко в самом деле начинал свою карьеру мясником, а вернее – разделщиком туш на рынке. Кроме уже описанных достоинств, был он человеком самолюбивым, заносчивым и глупым. В наследство от отца, потомственного алкоголика, ему достался крайне неуравновешенный характер. И еще одно ценное свойство: умел заставить человека работать на себя и выжимать из него все соки. Сделавшись владельцем фирмы «Эъ», он вообразил себя великим стратегом, без малого, Наполеоном. Любил рассуждать об "идеологии фирмы", о том, что "вы все здесь одна команда", ни в грош при этом никого не ставя. По примеру японских корпораций хотел даже разработать гимн фирмы и присягу на верность, но в последний момент пожалел денег.

Вот к этому человеку и явился Чичиков со вторым своим коммерческим визитом. Апартаменты Валика Шкуры – так его величали за глаза знакомые, – занимали весь второй этаж над его же магазином. В коридоре сидел охранник, – Шкурченко опасался незваных гостей, – он выслушал Чичикова и пошел докладывать боссу. Докладывал минут пятнадцать. Потом вернулся и спросил у Чичикова тухлым голосом:

– Оружие есть?

– Тебе сколько надо? – спросил в ответ Чичиков.

Достал бумажник, развернул его, выдвинул краешком пачку купюр и сказал:

– Вот мое оружие.

Да и вошел.

Кабинет Шкурченко напоминал музей антиквариата. На стенах – с десяток картин, разного размера, но всё сплошь морские пейзажи; непременные каминные часы на массивной малахитовой подставке, с бронзовой немецкой женщиной и мальчиком; в углу – бронзовая же скульптурная композиция – турецкий всадник, похищающий девицу греческой наружности. О всяких там подсвечниках и канделябрах не стоит и упоминать, было их много и были они всюду, кроме стола. Стол же обычный, но красного дерева, не был обременён никакой оргтехникой. Стояла лишь настольная лампа с зеленым абажуром.

Чичиков одним взглядом охватил убранство кабинета и понял: "С этим можно не церемониться". Так как хозяин остался сидеть за столом, наклонив голову несколько набок, то Чичиков изящным движением метнул на столешницу визитку и непринужденно уселся в кресло напротив.

– Покупаем, продаем? – начал беседу Шкурченко.

– Всего понемногу, – без выражения ответил Чичиков. – Я к вам с весьма привлекательным предложением.

– То, что для тебя привлекательное – то понятно, – почему-то перешел на "ты" Шкурченко.

– Продайте мне души ваших сотрудников, Валентин Павлович, – тем же бесцветным голосом предложил Чичиков.

– Я тебе хоть душу, хоть что могу продать, была бы цена.

– Цена будет, – заверил его Чичиков.

– Ну и?

– Скажем... – Чичиков взял паузу.

Шкурченко поерзал в кресле и вдруг предложил:

– Ты это, ты эту самую моей жены купи. Со скидкой.

Это удивительное предложение Шкурченко сделал тоже без всякого выражения, под стать манере Чичикова, непонятно было, шутит он или всерьез.

Супруга Валентина Павловича, Лариса Гавриловна, с отчеством, измененным на Георгиевну, была женщиной невыносимых им качеств. Мы опустим такие мелочи, как безобразная мужиковатая внешность и патологическая ревнивость. Даже оставим без внимания ее требование пятидесятипроцентной доли в его бизнесе; он выделил ей двадцать пять и жалел об этом безмерно. Лариса Георгиевна обладала странным свойством: когда она находилась в одном помещении с мужем, пусть и не досаждала ему попреками, а занималась своими делами, скажем, по телефону болтала, Валентин Павлович чувствовал себя последним ничтожеством. Что только он не делал, чтобы побороть в себе это скотское ощущение. Даже как-то раз пожаловался друзьям-приятелям по парилке, на что Паляница усмехнулся в усы, деляга Зуб тут же рассказал анекдот к случаю, а Мотузко важным тоном пояснил:

– Это феномен астральный. Она тебе, Валек, заблокировала космическую чакру, вот здесь, – и постучал костяшками пальцев по лысеющей макушке Валентина Павловича. – Закоротила на себя и питается твоими излучениями.

Валентин Павлович хихикнул для приличия и с плохо скрываемой надеждой в голосе спросил у Мотузко:

– А что делать?

– Вешаться, – по-отечески ласково присоветовал Паляница и с удовольствием опрокинул на себя ушат ледяной воды.

Мотузко наморщил не без актерства лоб и сказал:

– Ты к бабке сходи. Пускай порчу снимет.

В тот же день Валентин Павлович по первому попавшемуся на глаза объявлению устремился к бабушке-провидице. Та сразу разглядела солидного клиента и, не обращая внимания на его сбивчивую речь, – Шкурченко пытался объяснить, что ни во что такое он не верит, но вот есть космическая чакра, и ее нужно ему раскрыть, – рассказала, что его замордовала жена, которая на самом деле не жена, а энергетический вампир. Валентин Павлович совсем потерялся, лишь робко спросил:

– Вы что-то можете сделать?

– Нет, голубчик, не могу. Закодирован ты. Тебя еще раньше, до нее закодировали. А кто закодировал – того не вижу.

– Я заплачу, – дрогнувшим голосом произнес Шкурченко.

– Нет, голубчик, не надо мне твоих денег, не хочу брать обманом.

– Может, кого знаете, кто может?..

Провидица задумалась, какая-то тень пробежала по лицу. И совсем по-иному, жестко сказала:

– Тебя – только Лукьян. Это большой колдун... Но ты человек пустой и шибко самоуверенный, гусь прямо. Нет, не удержится Лукьян – захомутает тебя. И не гляди на меня так. Денег у тебя много, но для Лукьяна ты пшик. Был бы ты другим, он бы раскодировал. Еще бы совет какой дал. А теперь ступай, не выйдет у нас с тобой бизнесу.

Пару секунд Чичиков смотрел в глаза Шкурченко и вдруг громко, от души расхохотался. Валентин Павлович обиженно скривился:

– Чо ржешь?

– Смешно очень. Рассмешил ты меня.

– Ты в чакрах хорошо разбираешься? – вдруг спросил Шкурченко.

– О-о! Вижу руку прокурора Мотузко. В чакрах я разбираюсь хорошо. Ты мне души продай, сразу полегчает. Они там у тебя в конторе все равно мертвые. Не люди.

– Какие они там люди, – брезгливо заметил Шкурченко. – Так, человеческие огрызки.

– Так уж и огрызки. Видел бы ты их в ином, так сказать, свете, хе-хе. Ладно, из уважения к твоим страданиям, по четыреста ложу.

– Четыреста чего? – не понял Шкурченко.

Однако голос его уже сделался деловым, то есть с оттенком презрения.

– Долларов, чего ж еще. За четыре мертвые души выходит тысяча шестьсот.

– Подожди. Значит, я тебе – души?

Чичиков согласно кивнул и достал купчую.

– А ты мне, значит, деньги? Не, не пойдет. Подумать надо. Откуда я знаю, почём мёртвые души?

Чичиков снова хохотнул.

– Ты еще скажи, что товар странного свойства. Ты еще мне вместо мертвых душ пеньку предложи.

– Чего предложи? – не понял Шкурченко.

Ему в этот момент вспомнился совет Паляницы.

– С кем ты собрался советоваться? Я единственный покупатель такого рода товара. А вот ты продавец не единственный. И потом, я же не твою душу. Тебе их жалко, что ли?

Шкурченко не ответил, а принялся изучать купчую.

– Путёво составлено. Только понимаешь, мне такие деньги брать не солидно. Узнает кто – засмеют.

– А ты никому не рассказывай.

– Все равно узнают, – шлепнул своей пухлой ладошкой по столу Валентин Павлович. – Лаврентий все про всех знает. Я столько денег на одну поездку в Крым трачу. Так это в Крым. А если в Европу куда... – он снова шлепнул ладошкой.

– Имей в виду, что деньги здесь скорее символ наших обоюдных намерений. На самом деле я тебе плачу гораздо больше. По-царски плачу, чтоб ты знал. Ты пока на них, на этих четырех зарабатываешь, ты свою душу убиваешь. Вот еще с годик поездишь на них, и все. Приду я и бесплатно твою мертвую душу заберу. А так тебе полное освобождение. Имей в виду, если я их сейчас не заберу, ты потом от них ни за какие бабки не избавишься.

– Да все понятно, но не могу я так замало продать. Пацаны не поймут. Давай хоть, что ли, десять косарей за всех четверых? А пятого как? Их там сейчас пятеро...

– Пятый не мой клиент. Ну отчего ты, Валек, такой жадный?

– А иначе нельзя, иначе схавают, – не без удовольствия объяснил Шкурченко.

– А вот как не дам я тебе десяти тысяч? Вот повернись и уйду.

– Это ты меня на понт берешь. Не знаю зачем, только тебе эти души позарез нужны. Так что давай по рукам и закроем тему.

– Нет, не пойдет. Нет в тебе той солидности, чтобы я тебя мог уважать. Поэтому, будет по-моему. Я тебе по четыреста, хотел пол-тыщи, но сильно ты жадный. Правильно тебе бабка сказала – шибко самоуверенный ты гусь.

– Какая бабка? – внезапно осипнув, спросил Валентин Павлович.

– А та, что денег не взяла.

– Ты... Ты... Лукьян?

– Фу... – Чичиков состроил мину крайнего пренебрежения. – Колдовство, наговоры. Детский лепет, право слово. Ну что, решился?

– Давай. Что там надо?

– Фамилии-имена-отчества впиши, этого хватит, не в тюрьме. И распишись. – Чичиков уже отсчитывал деньги. – Вписал? Быстро строчишь. Вообще, вижу, страх тебе полезен.

Чичиков с удовольствием расписался, даже причмокнул. Подул на подпись и спрятал купчую в карман. Заметив, что Шкурченко смотрит на него как-то просительно, откровенно грубо спросил:

– Чего тебе еще?

– А с женой как?

– А что мне за дело до твоей жены? Прощай.

Чичиков покинул Шкурченко. Тот долго сидел в неподвижности и смотрел на деньги. Чувствовал он большое утомление и ватность мысли. Но потом все же очухался. И тогда позвонил Вячеславу Тихоновичу Палянице.

Переговорив со Шкурченко, Паляница отключил мобильник и сообщил директору Института Прогрессивной Кибернетики, у которого он был в гостях:

– Шкура только что мертвые души продал.

– Вот как? – промурлыкал хозяин дома. – И кому же, интересно?

– Некому Чичикову, по которому меня просила поработать прокуратура.

– А что же мне не говоришь?

– А что, тебе все говорить?

– Если человек интересный, то говорить. Вон, души скупает.

– Днем я этого не знал.

– Да, интересная каша заваривается... – мечтательно произнес директор, позвякивая ложечкой в стакане с чаем. – Пора, наконец, Вячеслав Тихонович, проверить, чего мы стоим.

– В смысле?

– Не напрягайся, в научном.

И хозяин дома мелко рассмеялся, как бубенчиком зазвенел.

А Чичиков, выйдя от Шкурченко, подумал вслух: «Четверо-то оно четверо, а вот пятый кто? Нехороший паренек, порченный. Не по моей ли части порченный?» Город Н. нравился Чичикову все меньше.

Глава 4. Проект «Поиск гения»

В фирмах города Н. принято было работать и по субботам. «Эъ» была не исключением. В девять утра к двери офиса подошёл Артем. Дверь заперта, контора на сигнализации. Что за черт?

У Артема был ключ, он снял контору с охраны и вошел. Минут через десять он понял, что вчера чего-то недопонял или упустил. Наверное, шеф сделал эту субботу нерабочей. Ещё через минут десять он собрался уходить. Не звонить же в самом деле шефу и спрашивать? А домашних телефонов сотрудников он не знал. Но тут позвонил сам Шкурченко, удивился, что отвечает молодой сотрудник. И вскоре явился лично. Глаза его как-то странно бегали. Движения отчего-то были суетливы.

– Что, никого нет? – спросил он с порога с некой поспешностью и придыханием.

Артём пожал плечами. Босс обошел, точнее, обожал комнаты и опять спросил:

– Что, никого не было?

– Я не знаю...

– Что ты вообще знаешь? Что ты вообще можешь знать?! – вдруг истерично заорал босс, осекся и просверлил Артёма таким диким взглядом, что тот аж съежился. – Пятый не его клиент... Ах, мать твою! Да это же кидалово! Его надо срочно за жопу брать! Мочить урода!

И не объяснив ровным счетом ничего, – кого брать, зачем мочить, – выскочил на улицу.

Артём на всякий случай сидел еще час. Потом ему стало совсем тоскливо, он хотел было выпить еще одну, уже пятую по счету чашку кофе. Но вместо этого дерябнул потемкинского коньяка, грамм сто пятьдесят. После чего решил всё же уходить. Тщательно запер дверь, сдал на охрану, проверил, хорошо ли заперта. На сегодня рабочий день был закончен.

Каждую субботу, к двум часам дня не самые последние люди города Н. собирались в бане: попариться и потрепаться. Маленькая, уютная банька размещалась в неприметном подвальчике обычной пятиэтажки.

Уже приехали Паляница, Мотузко, деляга Зуб и другие. А вот Шкурченко задерживался. С утра он обрывал телефоны своих сотрудников, послал охранника с шофером по всем четырем адресам. Исчезнувшие сотрудники были людьми одинокими – кто разведен, а кто еще не успел обзавестись семьей. Поэтому некому было объяснять, дома ли они, или, если нет, то куда делись. К полудню Шкурченко дошел до такой степени бешенства, что решил лично участвовать в операции: велел возить его к этому уроду Сычаге и ломать к черту двери квартиры. Охранник поддел фомкой фанерную дверь, запертую на хлипкий замок, и без труда сорвал ее с петель.

– Вот уроды, – удивился Шкурченко. – Мало я им, что ли, плачу, чтоб дверь нормальную поставить?

Но вспомнил, что Сычага брал на фирме хорошую индонезийскую дверь, и сказал охраннику:

– Ну, давай, ты первый.

В квартире Сычаги было пусто. То есть, совершенно пусто – ни тебе стола, ни тебе стула. Голые стены. Спать не на чем, кушать не из чего. Даже газовой плиты не было. Дверь на балкон забита, окна тоже наглухо заколочены. Трубы все и в кухне, и в ванной, и отопления обрезаны и заварены.

Валентин Павлович, дабы унять ярость и страх, подъехал к ближайшей пивной и, оставив охранника с шофером, пошел глушить пиво. Несколько взяв себя в руки, он решил разобрататься и с остальными квартирами. Теперь уж он не выходил из своей ауди, а сидел и ждал, что придут и расскажут. А что рассказывать-то было? Везде одно и то же. Только с квартирой

секретарши произошла небольшая накладка. Соседка-старушка, приоткрыв взятую на цепочку дверь, испуганно спросила:

– Что это вы делаете?

Охранник поднес к шелочке удостоверение работника милиции, чуть ли не в нос сунул, и сказал бабушке, чтоб та не возникала – человек исчез. Соседка ахнула и открыла дверь. Так что пришлось вскрывать квартиру под ее любопытным взглядом. Она еще и сунулась следом, и снова ахнула:

– Ой, и ограбили дотла!

– Иди, бабка, пока по голове не дал! – рявкнул охранник, прилично осатаневший уже от всех этих чудес.

Старушенция с достоинством поджала губы, и, закрывая за собой дверь, сказала:

– Я вот позвоню вашему начальству.

– Да хоть президенту! – не остался в долгу охранник.

Вот почему Валентин Павлович изрядно опоздал в баню. Компания, уже после парилки, расположилась вокруг бассейна, попивали пиво.

– Ну, как торганул? – с ехидцей осведомился Паляница.

Он никому не рассказывал о вчерашнем звонке, решив дождаться героя торжества, хотя, по правде сказать, очень хотелось рассказать. Шкурченко не ответил: молча разделся, подошел к бассейну и плюхнулся в воду. И только потом, вынырнув, издал нечленораздельный, рычащий звук. Деляга Зуб подначил с деланной обидой:

– Валек, ты бы хоть яйца помыл, а потом ныряй.

– Ну и почем нынче идут мертвые души? – продолжал веселиться Паляница.

– Я вам скажу мужики, не надо об этом говорить. – Валентин Павлович был очень серьезен.

– Ты, Валек, совсем охренел, – заговорил прокурор Мотузко. – Уже мертвыми душами приторговываешь. Воздухом не пробовал? Погубит тебя жадность.

– Ты бы видел этого Чичикова... – сказал Шкурченко, словно об открытии поведал.

– Да видел я. Нормальный мужик.

– Норма-альный? – Шкурченко задохнулся от негодования.

– Пивка, пивка давай, а потом все остальное, – посоветовал еще один участник компании, директор вещевого рынка; имя директора, впрочем, не имеет значения для нашего повествования.

– Славик, – Шкурченко повернулся к Палянице, – скажи, что мне делать?

Паляница досадовал, что так бездарно преподнес свою осведомленность в этом необычном деле. Можно же было позначительнее, позагадочнее, чтоб все знали: Лаврентий он и есть Лаврентий, видит всех насквозь и спуску никому, если что, не даст. Но с этим дураком Шкурченко одни обломы. Поэтому он хмуро, с ленцой обронил:

– Докладывай, что ли.

– А в парилочку бы... Тет-а-тет.

– Это что же, от друзей секреты? – Мотузко изобразил обиду в голосе, с некоторой даже долей угрозы.

– Ты понимаешь, Ванек, тут дело такое...

Мотузко развел руками, мол, банкуй. Паляница нехотя поднялся, нехотя отставил кружку.

– Ну, пойдем, что ли.

Пока Шкурченко в парилке рассказывал Палянице про чичиковское кидалово и про чудеса с квартирами, Мотузко подробно изложил остальным, как познакомился с Чичиковым, каков этот Чичиков хват, что девками и иконами брезгует, а над тибетской эзотерикой смеется.

– Все не могу понять, что за интересы у этого Чичикова. Увидел магазин Шкуры – знакомь его со Шкурой. Рекламу Института Кибернетики увидел – кричит, знакомь его с Лаврентием. Всё пробивал – что за институт? Я, в натуре, ничего такого не сказал ему без санкции Лаврентия. Непонятно, зачем у человечка такой интерес? Ничего я ему не сказал.

– Долго паряться, – заметил деляга Зуб. – Что он там ему шепчет?

– Чичикова парафинит, – серьёзно произнес директор рынка.

Мотузко посоветовал пойти послушать, а потом рассказать товарищам.

Тут дверь парилки распахнулась. Паляница энергично опрокинул на себя ушат ледяной воды, что стояла тут же, под стенкой, в большой деревянной бадье, лед плавал в ней крупными глыбами. Нехорошим хмурым взглядом окинул приятелей и мысленно выругался. Будь его воля, он бы их всех пересажал. Знают слишком много, гонора, что у президента, только и того, что его, Паляницу, боятся. Что боятся, то хорошо, на каждого отдельная папочка заведена: что, с кем, сколько. Но слишком много знают, собаки. А за каждым не углядишь. Теперь о Чичикове знают, в то время как знать о нём должен только он, Паляница. Вот взять бы их прямо здесь, да к Харламповичу в тюрьму, чтоб передохли. И тогда спокойно и вдумчиво заняться Чичиковым, потому что здесь перспектива. Перспектива избавления Вячеслава Тихоновича от упырей Института Прогрессивной Кибернетики.

Упыри эти уже так измучили Паляницу, выдавшего разные виды чекиста, что не рад он был тем деньгам, которые наваривали они с директором, главным упырём, ласковым до озноба Нестором Анатольевичем. Очень часто думал Паляница, как избавиться ему от этого ярма, часто воображал, как своими руками, из своего табельного «макарова» аккуратно проделывает дырки в их вурдалакских черепаках.

Вместо этого приходилось пить чай, ходить на их жутковатые эксперименты и нагло врать начальству, что ничего такого, чертовского, потустороннего, в институте не происходит. Это здесь, в парилке он был всеведущим Лаврентием, а там, прости господи, мокрой курицей.

Непонятно, каким боком этот Чичиков касается института, зачем интересуется. Надо пробить по всем каналам. Хорошо бы познакомиться лично. В общем, надо работать. Паляница бы прямо сейчас, сию же минуту, и взялся за дело, но эти придурки... нечего показывать перед ними лишний интерес.

– Утер Шкуре сопли. – Паляница принял кружку пива из рук расторопного банщика и с деланной неторопливостью отхлебнул. – Так-то.

Мотузко понимающе усмехнулся.

– Ты, Славик, ещё не выяснял, он не из Москвы? А то номера какие-то странные...

– Пойду, массаж возьму, – как бы и не слыша его, сообщил Паляница. – Что-то суставы крутит.

– Да-а, видно жирный гусь этот Чичиков, – мечтательно пропел ему вслед деляга Зуб. – Много сдерет с него Лаврентий.

– С такого сдерешь. – Вывалившийся из парилки Шкурченко расслышал последнюю фразу Зуба. – Такой сам сдерёт...

В воскресенье, с утра, Чичиков пребывал в крайней досаде. Он бездарно терял второй уже день кряду. И так он задержался в этом городишке.

Употребив на завтрак омлет с гренками, а затем парную осетрину в грибном соусе, а затем, на этот раз в качестве средства от расстройства духа, мясо по-французски, он несколько воспрянул и совсем было решил ехать на квартиру директора института, адреса которой он пока, впрочем, не знал. Чичиков собирался узнать его у Паляницы, чего проще. Что в институте есть мертвые души, он ведал, учуял, когда смотрел на рекламный щит.

Вчера Чичиков целый день пытался дозвониться до Мотузко, чтобы через него добраться до Паляницы. Но Мотузко по субботам выключал мобильник: во-первых, баня, во-вторых,

амурные дела, – и Чичиков так и не дозвонился. Справочное бюро ни Паляницы, ни Мотузко не знало. Это Чичиков понимал – за умеренную плату оно не знало бы, в каком городе работает. Конечно, вдумчивый читатель может сказать – а что бы Чичикову не подождать до понедельника, не поехать прямо в институт, там и телефоны на стенде, и словоохотливая вахтерша, чего же проще? Но не таков порядок дел у Чичикова. Оказаться раньше времени в месте предполагаемой сделки – очень плохая примета. Не то даже, что можно столкнуться с самими "мертвяками", как их называл Чичиков, Чичикова мертвяки вовсе не замечали, даже если смотрели на него в упор – не видели. Разве у самых изощрённых могло возникнуть видение некоего облака.

Однако недаром говорится, что на ловца и зверь бежит. Не успел Чичиков улечься для усвоения завтрака на кушетку, не успел взять в руки сотовый телефон, чтобы позвонить Мотузко, как в комнату сунулся Бычок и сообщил, что за дверями номера дожидается какой-то Паляница.

Чичиков живо вскочил. Быстро облачился в пиджак, придирчиво посмотрел на себя в зеркало, пригладил волосы, поправил перстень на пальце и сказал:

– Зови.

Паляница уже знал, что фирма "Гадес", действительно возглавляемая неким Чичиковым, существует и зарегистрирована в республике Ингушетия, в свободной экономической зоне "город Назрань". Это внушало некоторое спокойствие – раз человеку есть, что терять, значит с ним можно разговаривать. А то, понимаешь, Шкура напустил дыму... Мол, и Чичиков не Чичиков, а колдун Лукьян, и квартиры у него, понимаешь, ободранные. Не московская, правда, фирма "Гадес", по крайней мере офиса у нее в Москве не было, и Чичиков в Москве не проживал, ну и ладно. Кроме того, сделал запрос в ментовке – такой в розыске не числится, никогда не сидел, даже не привлекался.

В трагедии Шкурченко Паляницу забавляло, что получил тот от Чичикова сущие гроши, а Палянице отстегнет двадцать тысяч, чтоб не дергали его охранительные органы за четырех пропавших сотрудников. Поэтому, в номер к Чичикову Паляница зашёл в прекрасном настроении.

– Ба! Вячеслав Тихонович! – широко распахнув руки для тесных объятий, просиял Чичиков. – Не поверите, с утра о вас думаю. Думаю, где ж он прячется, полковник Паляница? Ни телефона, ни адреса нет, полная конспирация. А он – вот он, сам пожаловал! Вот так сюрприз!

С этими словами Чичиков заключил таки Паляницу в объятия. Тот сопротивлялся, напряг мускулы, стараясь разжать чичиковскую хватку, но Чичиков был плотного сложения, и, пока не завершил приветственную речь, полковника не выпустил.

– Ну, рассказывайте, что за беда привела вас ко мне? Так сказать, к ничтожному, мелкому коммерсанту. Право слово, не нахожу причины. Загадка, да и только.

Паляница обалдел. Не того он ожидал. Запанибрата его даже высокое губернское начальство не держало, с чекистами так разговаривать ничей язык не повернётся. "Инициативу перехватывает, гад, – смекнул Паляница. – Умен". На мгновение ему показалось, что они с Чичиковым коллеги, но он отмел это, как наваждение, и, наконец, заговорил:

– Служба такая. К кому только ходить не приходится. Вами, Чичиков, в городе очень даже интересуются.

– Пусть их интересуются, – небрежно махнул рукой Чичиков. – А мы с вами сейчас по коньячку. Степан! Пулей сгоняй...

– Ну что вы, Сергей Павлович! Мы же солидные люди. – Паляница положил на стол дипломат и вытащил из него коробку с "Метаксой". – Я из коньяков только "Метаксу" пью, настоящую. Мне наша таможня предоставляет. А больше здесь нигде ее не взять. Как, Сергей Павлович, надругаемся над ней?

Паляница пытался перехватить в разговоре инициативу и приготовить для себя благоприятную позицию. Удачей, как ему показалось, было то, что Чичиков первым выказал инте-

рес в области коньяка. Клиента, как учит чекистская теория, надо ловить на его же интересе. Но поди вот так сразу нащупай интерес этот. Свой же интерес – как бы ущучить директора ИПК, – надо было ни в коем случае не выказывать даже полупонамеком.

– Степан, изобрази, – распорядился Чичиков.

Степан проворно поставил на стол две стопочки, порезал тонко лимон и бережно, как ребенка из колыбели, достал бутылку из коробки. Так же бережно, без лишнего звука открыл крышку. Нос защекотало от густого аромата. Раздалось упоительное бульканье: темно-коричневая жидкость до краев заполнила стопки. Чичиков поднял свою, одним глотком выпил, крякнул и закусил лимончиком. Палянице ничего не оставалось, как поддержать почин – везде этот Чичиков его опережал.

– Рассказывайте, – Чичиков с некоторой игривостью шевельнул бровью. И даже подмигнул.

– Я по просьбе Валентина Павловича Шкурченко пришел. Беда, понимаешь, у человека. Чичиков заломил бровь, на этот раз с удивлением.

– Выходит так, Сергей Павлович, что вы его обманули.

– Я вижу, замечательный вы человек, – не моргнув глазом, ответил Чичиков. – О друзьях хлопчете. Друг, он всегда за заботу отблагодарит, не так ли?

«Опять в самую дырочку попал, прохвост», – отметил Паляница. И продолжил с напором:

– Он четырех сотрудников потерял.

– Новых наймет, – обронил Чичиков, поднимая следующую, уже подготовленную Степаном, стопку. – В чем проблема-то?

– Никакой проблемы, если бы они не исчезли самым непонятным образом. Точнѐхонько после вашего визита к Шкурченко. Вы ведь заключили с ним какую-то сделку?

Паляница глянул на Чичикова профессионально острым взглядом, прямо автогенном взрезал.

– Какую такую сделку? – с неподдельным интересом спросил Чичиков.

"Насчет мертвых душ", – чуть было не брякнул Паляница, но понял, что чепуха получится, Чичиков, еще чего, в лицо посмеется.

– Это насчет мертвых душ, что ли? – спросил Чичиков и поднес ко рту третью стопку. – Ладно, Вячеслав Тихонович, оставим дурака Шкурченко в покое. Вы своё исполните, он вам заплатит... Вы мне вот что лучше расскажите, что за человек директор Института Прогрессивной Кибернетики? Для начала – как зовут человека. Любопытствую, знаете ли.

– Хм... Вы что же, мысли читаете? – Паляницу зацепило чичиковское «он вам заплатит».

– Да что мысли, – махнул рукой Чичиков. – Мысли это такие пустяки. По мне так страхи гораздо занятнее, фобии, знаете ли.

Паляница вспомнил о своём страхе перед институтскими упырями.

– Так как звать человечка-то? – вернулся к своему вопросу Чичиков.

– Кого звать? – забывшись, спросил Паляница.

– Того, кого вы боитесь сильно. Директора.

Паляница молча хватил коньяку, взглядом показал Бычку, чтобы наливал ещё. Тот исполнил, и Вячеслав Тихонович снова употребил.

– Степан, поди пива попей, – распорядился Чичиков.

– Нестор Анатольевич Перетятко, – убитым голосом сообщил Паляница, когда дверь за Бычком затворилась.

– Зря вы так его опасаетесь, голубчик, – ласково промурлыкал Чичиков.

Паляница взгляделся в лицо Чичиков, смутно соображая, помощник ли ему Чичиков. Хватил ещё коньяку и неожиданно для себя пустился в объяснения.

– Перетятко и ещё двое в институте что-то вроде банды. Один заведует «больничкой», называемой лечебно-методическим центром, плакаты про гениев видел? Выписывают жмуров

из морга, обязательно, чтобы труп был свежий. Также имеются подозрения, что они и сами умерщвляют пациентов.

– Ну а вам-то что с того? – нимало не удивился Чичиков.

– Мне-то? – переспросил Паляница. – А вот слушай, Чичиков. Как-то приглашает меня Перетятько в «больничку». Что за ерунда, думаю. На хер мне оно не упало. Заводит в бокс, в районе подвала. Посередине стол, на нём – жмурик, твёрдый, как бревно. Заведующий «больнички», Аркадий Никифорович Дятел с подходцем, эдак, говорит: "Вы человек видавший виды, с хорошими нервами, иначе и приглашать не стали бы". Думал, какой-нибудь гремещий аппарат покажут – искры, взрывы. А они жмурика давай в магнит засовывать. Светился он у них там. Нехорошее зрелище – в полной темноте словно светящиеся муравьи по жмуру бегают... угольками. Спрашиваю, в чем здесь смысл. Вот что мне они ответили.

Паляница полез в «дипломат», вынул оттуда бумажку.

– Читаю дословно. «В мире известны опыты над умирающим телом, когда душа, так сказать, отлетает. Уже измерено, что высвобождается и исчезает незнамо куда четыре грамма веса. Вы скажете, четыре грамма – это херня? Ничуть не херня! Подставьте в формулу Эйнштейна, – ее каждый ребенок знает, – знаменитый эм-сэ-квадрат. Такой дефект массы эквивалентен четырем Хиросимам. Куда, спрашивается, девается вся эта прорва энергии? Мы же здесь, у себя, наблюдаем приборами высокочастотный след, так сказать, информационный пакет. Если удастся канализировать эту энергию в наш мир, мы получим дешевый и практически неисчерпаемый ее источник". Лекцию целую отбарабанил, как школьнику, а тело обратно в морг не вернул. Что они с ним сделали – неизвестно.

– Компромат собираете, полковник?

– А что делать? – развёл руками Паляница. – Жидковат, конечно, компроматец, вон, в лесопосадках на каждом шагу холмики могилки бомжей.

– Я так понимаю, у нас речь не о могилках, а о свержоружии, это самое меньшее, полковник.

– Да ну? Вот ведь не подумал, а ведь точно, всё сходится. – Паляница глянул в свою бумагу: – «Четырем Хиросимам». Так-так-так. Это что выходит? На кого они работают, спрашивается? Вот где вопрос. Вот, Чичиков, где собака порылась! Ты меня понимаешь?

– Отчего ж не понять. Ещё по одной? – Чичиков взялся за бутылку.

– Давай. Очень хорошо. Чего я сразу не сообразил? Сейчас в верхах знаешь, какая шпиономания? Всё из-за ихней многовекторности. Ложится спать агентом запада, просыпается агентом Кремля. А ещё татары в Крыму, не забывай. – Паляница вспомнил об имеющейся у него в Ялте квартире. Курортный сезон, сейчас бы у моря, в казино сидеть.

– Какие татары, любезный? Весь Крым русские скупили. Русские и ваши, Н-ские. Только полковник, о курорте потом помечтаешь.

«Чёрт какой-то этот Чичиков, а не человек, – подумал Паляница. – Мысли угадывает. То-то Шкура обосрался».

– Какой ещё курорт?

– Эта... Казино, девочки по вызову, шашлычок с лавашиком на склонах Ай-Петри, – скучным голосом перечислил Чичиков любимые развлечения Паляницы в Ялте. – Ну а третий из этих страшных людей кто?

– Каких людей?

– Перетятько, Дятел, а кто третий?

– А... Евгений Петрович Миокард. По данным, так в детдоме окрестили. Очень опасный человек. Мощный гипнотизёр. Заведует лабораторией высших способностей человека. Могу рассказать, был очевидцем некоторых опытов.

– Увольте. Вот от этого увольте. Всё, что мне нужно сейчас, это телефоны Нестора Анатольевича.

- Пожалуйста. – Паляница полез в карман. – Его визитка.
- А домашний?
- У него дома нет телефона.
- С чего бы это у него не было домашнего? – спросил Чичиков, обнюхивая визитку. – Ого! Интересно. Знаешь, полковник, чем пахнут визитки у директоров институтов?
- Чем? – хмуро и нехотя произнёс Паляница.
- Чем-чем! Завхозами, вот чем! Кстати, кто у вас там завхозом?
- Это важно?
- Чичиков кивнул.
- Свисток Пётр Петрович, замдиректора по АХЧ.
- Славно, славно... – Чичиков потёр пухлые ладошки и вопросительно посмотрел на Паляницу.
- Чего ещё?
- Телефончик.
- Паляница залез в справочную своего мобильного и продиктовал номер.
- Ну всё, поговорили, Вячеслав Тихонович и будет.
- А гарантии?
- Какие тебе гарантии? Тебе что, назвать казенные суммы, которые вы с Перетяtko в карман положили?
- Это доказать невозможно.
- Пока подсудимый жив, всё доказать возможно. Закон юриспруденции! – Чичиков громко, душевно рассмеялся.
- Паляница почернел лицом, но сдержался. Он угрюмо посмотрел на Чичикова, кивнул и стал уходить.
- А на посошок? – крикнул вслед ему Чичиков.
- Я и сам, Сергей Павлович, шутки юмора шутить умею, – отозвался от двери Паляница.
- Спускаясь по лестнице, Паляница думал – звонить или не звонить Нестору Анатольевичу? И чем ниже спускался, тем больше выходило, что нужно звонить, тем больше Паляница боялся директора, и всё меньше – Чичикова.
- Забравшись в свой опель, Паляница, наконец, созрел и взял в руки мобильник.
- Слушаю, Вячеслав Тихонович, – отозвался Перетяtko бархатным негромким голосом. – Ты, как я понимаю, от Чичикова?
- Так точно, Нестор Анатольевич, от него. Собака этот Чичиков.
- Так ли уж собака? – рассмеялся директор. – Давай по порядку.
- Мысли читает, визитки на нюх пробует.
- На нюх, это как?
- Твою визитку нюхал. Сильно нюхал, а потом знаешь, что говорит? Говорит, завхозом пахнет. Как только про завхоза сказал, сразу весь интерес ко мне потерял.
- Завхоз, говоришь? Интересное дело. А про мёртвые души разговор был? – вкрадчиво поинтересовался Перетяtko.
- Ни словом не обмолвился, – буркнул Паляница.
- А чего ж ты его не спросил, а, Тихонович?
- «Спросишь его, как же», – подумал Паляница, а вслух сказал:
- Не было подходящего повода. Кто ж такие вопросы при первом знакомстве спрашивает?
- Так значит, он меня ищет?
- Да, ещё как! Телефоны требовал, говорит, почему домашний не говорю, а я говорю, что дома телефона нет. Не поверил, собака.

– Не волнуйся, дружище, не волнуйся, – промурлыкал совсем уже ласково директор. – Разберёмся.

И без предупреждения оборвал разговор.

«Знаю я, как вы разберётесь, – подумал Паляница. – Предупредить Чичикова?»

И решил не предупреждать: от этого Чичикова благодарности не дождёшься. Пускай работает сам, поглядим, какой он могучий.

В это время Перетятко уже набирал номер, известный очень немногим людям – телефон Хозяина.

Александр Владимирович Ибрагимов не зря считался негласным хозяином города Н. Был он умён, жесток и ухватист: умел ставить перед собой цели и умел их достигать. Многие ненавидели его, некоторые любили, но все без исключения – боялись. Улыбался он редко – только перед видеокамерами. Причём взгляд оставался холодным и жёстким, а если какой журналист задевал за живое неловким вопросом – делался злым.

В этой жизни Александр Владимирович любил три вещи: деньги, власть и футбол. Причём деньги ценил скорее как средство, как знак высокого жизненного статуса. Властвовать предпочитал не публично – политика и прочая суета – а закулисно. Дёргал за ниточки через расставленных на ключевые посты верных людей.

Но настоящей и всепоглощающей страстью Хозяина был футбол. Александр Владимирович мечтал презентовать городу Н. команду европейского уровня. Вот здесь ему и не везло.

Футбольный клуб города Н. – ФК «Забойщик», который жители Н. во дни поражений называли «Запойщиком» – командой европейского уровня становиться упорно не желал. Чем больше средств тратил Хозяин на любимое детище – тем хуже играл «Забойщик». И совершенно отвратительно – на европейской арене. Приглашённые из Европы тренеры терялись в догадках: вроде бы и по европейской футбольной науке учат, а команда проигрывает. И как проигрывает! Что не международный матч – то разгром. И не спишешь ведь на особенности национального характера: больше половины игроков – тоже приглашённые из разных стран. С этими игроками творилось что-то загадочное. Купят, или как говорят в футбольном мире – подпишут молодого перспективного, скажем, нигерийца или бразильца, или румына какого-нибудь, матч-другой побеждает, попотеет, как у себя на родине, совершит немало футбольных чудес, окропит бальзамом сердца болельщиков, а потом куда что делось – непонятно, зачем такие деньжища были на него угроханы.

А чем только Хозяин не ублажал своих любимцев, что только не дарил: иномарки дорогие, квартиры в элитных домах, билеты на концерты поп-звёзд. Ничего не помогало.

Если бы только можно было заполучить настоящих звёзд мирового футбола! Но не хотели почему-то итальянские или английские знаменитости играть в городе Н. Да если бы захотели – кто поручится, что не произойдёт с ним той же загадочной метаморфозы.

Неизвестно, кто посоветовал Александру Владимировичу обратить внимание на проект «Поиск гения». Человек, посланный Хозяином на разведку в Институт Прогрессивной Кибернетики, доложил, что дело перспективное и надо бы взять «на карандаш». И после очередного евроразгрома Хозяин принял решение...

– Говори, Нестор Анатольевич, у тебя три минуты, – услышал Перетятко.

– Проблемы, Александр Владимирович, – торопливо проговорил он. – Объявился некий Чичиков. Интересуется институтом. Интересуется мертвыми душами.

– При чём тут души?

– Александр Владимирович, как вам сказать. Этот Чичиков что-то вроде сильного экстрасенса или мага. У него чрезвычайно недобрые намерения.

– Факты есть?

– В тот-то и дело, что есть. Паляница его проверял, так сказать досе... Очень нехорошие факты.

– Ладно, пока разбирайся сам, но держи в курсе. Что по нашей теме?

– Гуру Фёдор чувствует себя хорошо. Пророчествует понемногу.

– Когда моих начинать присылать?

– Можно с понедельника.

– Хорошо, Нестор Анатольевич.

Хозяин повесил трубку. «Моими» он назвал футболистов клуба «Н», которым следовало растормозить их футбольные сверхспособности.

Сверхспособности – самые разнообразные – в «больничке» растормаживали уже давно. Никто уже не помнит, откуда взялся большой электромагнит, может быть, по просьбе руководства ИПК был оставлен после экспериментов кафедры биофизики Н-ского университета. Первым же его чудесные свойства обнаружил студент ИПК, проходивший тогда практику. Будучи в нетрезвом состоянии и пользуясь отсутствием сотрудников, включил прибор и, когда магнит солидно загудел, сунул в него свою пьяную головушку. На следующий день у него открылась абсолютная память, исчезла алкозависимость и возник жесточайший сексуальный темперамент. Студент был настолько ошарашен, что тут же рассказал всё однокашникам. Те тоже пожелали испытать себя на приборе. Дождавшись обеденного перерыва, проникли в «больничку» и поочередно опробовали действие магнита. Половым гигантом не стал никто, как никто не приобрёл абсолютную память, зато у всех обнаружились разнообразные, ярко выраженные таланты.

Тайну магнита раскрыл тот самый первый из группы счастливых. Дар абсолютной памяти замучил его абсолютно. И был студент настолько туп, что пошёл прямо к директору ИПК с конкретной жалобой на работников лечебно-методического центра. Претензия заключалась в том, что те «не запирают двери лабораторий, допуская свободный доступ к медицинским приборам, из-за чего страдают совершенно посторонние люди».

Нестор Анатольевич разобрался в ситуации быстро и решительно. Все студенты, побывавшие в магните, были отчислены и направлены на принудительную диспансеризацию, в ту же самую «больничку», в бокс с решётками на окнах, с надёжными запорами на бронированных дверях. Факты сверхспособностей подтвердились в полной мере. В результате полугодичного наблюдения было установлено, что только у одного из девяти способности закрепились. У остальных, включая и первооткрывателя, они постепенно сошли на нет.

Сверхспособность этого одного была совершенно безобидного свойства: он слышал голоса далёких миров. Стоило ему увидеть сквозь зарешёченное окно палаты звёздное небо, стоило лишь внимательно присмотреться к какой-либо звёздочке, как перед ним открывались панорамы неведомого мира, слышались чуждые голоса и звуки. Досталось ему от врачей-исследователей больше всех. Три экспертизы на психическую вменяемость, перекрёстные допросы, детектор лжи. Дело успело дойти до применения спецпрепаратов, но тут к Юпитеру подлетела комета Шумейкера-Леви. Студент, глядя в окно, описал всю грандиозную картину разрушения кометы и падения её фрагментов на Юпитер. После чего попросил отпустить его домой. Через неделю по всем телеканалам прошли съёмки этого уникального явления, сделанные астрономами НАСА. Насчёт бывшего студента отпали все сомнения и его отпустили с миром, предварительно взяв подписку о неразглашении.

В тайну магнита директор посвятил лишь заведующего «больничкой», Аркадия Никифоровича Дятла. Тут уж деваться было некуда: чтобы «закатать» на полгода девять человек требовалось серьёзное обоснование, оформить которое мог только Аркадий Никифорович, имевший для этого и должность и связи.

Дятел был человек практического склада ума. Его совершенно не интересовало, как работает магнитный прибор, что он делает с мозгом подопытного. Главное – работает, и есть

результат. Как-то сидели они с Нестором Анатольевичем тет-а-тет в кафешке и гадали – как порочительнее распорядиться удивительным прибором. Ясно же, что прибор этот – чистый клад, что можно работать «под заказ». Но есть две проблемы: невозможно предсказать, какой именно талант проснётся у заказчика, и неясно – закрепится или нет. Посидев-подумав, пришли они к выводу, что к тайне надо приобщить третьего, самого толкового сотрудника ИПК, по совместительству, кстати, работавшему в «больничке». И занимался этот сотрудник очень близкими вещами: тоже растормаживал сознание, с помощью химических препаратов. Звали его Евгений Петрович Миокард, впрочем, сотрудников он просил называть его просто Жекой.

Жека этот был тёмной личностью. Воспитанник детдома, ухитрился закончить Первый Медицинский в Москве, сходу защитил кандидатскую. Параллельно закончил и биофак МГУ. В Н. появился в девяностом, якобы по академическому направлению из Москвы. Но Паляница, придя в ИПК, разобрался, что Академия была прикрытием оборонных организаций.

Работал Жека всё больше с бомжами и наркоманами, такими, что если помрёт, никто выяснять, почему и как, не станет. Реакция его на тайну магнита весьма удивила Перетятько и Дятла: он запретил подпускать кого-либо к магниту, пока не испытает на себе растормаживание сверхспособностей. И, не откладывая дела в долгий ящик, испытал.

Какая именно способность раскрылась у него, Евгений Петрович никого информировать не стал. Сообщникам напустил тумана, сказав, что пока ничего не ясно. Но надо бы через месяц повторить. Дятлу ждать месяц не хотелось: он задыхался от мыслей о коммерческих возможностях прибора. Он возражал. Но Евгений Петрович как-то так глянул на него, что возражать Дятлу вдруг расхотелось, а, напротив, возникло желание поддержать коллегу, потому что тот совершенно прав.

Вечером того же дня, когда Перетятько и Дятел ужинали в ресторане, Нестор Анатольевич не без задней мысли обратил внимание коллеги на его странное поведение. Так и сказал:

- Что-то, Аркаша, ты стал слишком уступчив.
- Чего это? – удивился Дятел.
- А того, голубчик, что Жека наш тебя быстро уговорил.
- Чего? – не понял тот. – На что это он меня уговорил?
- Насчёт прибора. Отложить раскрутку дела на месяц.

Аркадий Никифорович задумался. Налил себе коньяку, хотел было выпить, но оставил фужер.

- Да я всегда хотел не спешить. У нас с Жекой на эту тему никакого разговора не было.
- Ну, не было, так не было, – легко согласился Нестор Анатольевич, а сам подумал:

«Теперь от Жеки надо держаться подальше. Уговаривалка у него шибко убедительная стала».

Нестор Анатольевич был и раньше осведомлён, всё от того же Паляницы, о гипнотических способностях Миокарда. Он понял, что в магните эти способности обострились чрезвычайно. И тем же вечером не без некоторого душевного трепета Нестор Анатольевич принял решение самому забраться в магнит. Особых сложностей с его управлением не было: включишь силовой щит, устанавливаешь таймер и суёшь голову в соленоид.

Поздним вечером Перетятько появился в «больничке». Успокоил дежурного, что никакого ЧП и спросил ключ от лаборатории. На что услышал:

- А там уже Аркадий Никифорович.

Перетятько лишь кивнул, мол, так и должно быть, я в курсе, и поспешил в лабораторию.

Дятел тоже был не дурак. Он хоть и не помнил, что изначально возражал Жеке, но раз директор говорит, значит, так оно и было. Он умел различать директорские интонации, поэтому сообразил, что тот крайне удивился его уступчивости. Значит, хитрый Миокард заполучил-таки свою сверхспособность, и теперь будет крутить-вертеть ими как ему вздумается. Поняв это, Аркадий Никифорович, сердечно распрощавшись с директором, прямым ходом направился в «больничку». К приходу Перетятько он уже успел слазить в магнит и теперь сидел

на стуле, пытаясь осознать, какую именно сверхспособность обрёл. И вдруг ясно ощутил, что в дверь лечебно-методического центра входит Перетятыко. Дятел ухмыльнулся и впервые в жизни почувствовал себя настоящим, большим человеком. Всю свою жизнь он стремился к этому манящему ощущению, предугадывал, что такое наверняка есть, для того и делал карьеру, взбирался на руководящие посты, но никогда не испытывал. Когда Перетятыко взялся за ручку лабораторной двери, Дятел сладко улыбнулся и хотел уже громко и не без подковырки сказать: «Милости просим, Нестор Анатольевич», но спохватился. Козыря следовало придерживать.

Перетятыко казался озабоченным. Он оценивающе окинул взглядом Дятла, посмотрел на магнит.

– Включал? – спросил он.

– Включал, – кивнул Дятел.

– Ну и как оно?

– Живой.

– Понятно.

Перетятыко потоптался в нерешительности и переспросил:

– Так значит, включал?

– Давай, Нестор Анатольевич, залазь. В принципе, ничего страшного.

– Я понимаю, – ответил директор. – Ты, Аркадий Никифорович, на сколько ставил?

– Таймер выставлял Жека. Ты включай.

Директор включил магнит.

– Теперь головой туда, – кивнул на соленоид Дятел.

– Да я понимаю, – промямлил Нестор Анатольевич и, зажмурившись проделал эту операцию.

Магнит загудел и ровно через минуту выключился. Нестор Анатольевич высунул голову и, отирая пот с лица, спросил:

– И это всё?

– Осталось самое главное.

– Что такое? – с некой опасливостью в голосе спросил директор.

– Обнаружить в себе сверхспособность.

– Так значит, голубчик, ты уже обнаружил! – директор вмиг преобразился.

Дятел солидно покивал.

– Я так понимаю, Аркадий Никифорович, ты намерен хранить это дело в секрете?

Дятел снова покивал, согласно развёл руками.

– Разумно, голубчик, разумно.

И вдруг Перетятыко увидел маленькое, с мизинец размером, синюшного оттенка существо, человечка, сидящего на лбу Аркадия Никифоровича. Хоть человечек и был крайне мал, Нестор Анатольевич разглядел ехидную ухмылку на его рожице. Заинтересованный, директор подошёл вплотную к Дятлу и, сняв очки, уставился на лоб заведующего «больничкой». Тот расценил это по-своему.

– Что, третий глаз растёт? – довольно усмехнулся Дятел.

– Да нет, голубчик, это я так, – задумчиво произнёс Перетятыко.

А маленький человечек развернулся и показал директору голый зад. После чего соскользнул по лицу Дятла и дальше, на грудь. Где залез под полу пиджака и уже оттуда показал директору крошечный кукиш. Перетятыко поразился удивительной остроте своего зрения. А потом и глубине: человечек был ясно различим и под пиджаком. Здесь он сменил цвет на бордовый.

– Что это вы меня обнюхиваете? – перешёл вдруг на «вы» Дятел.

Перетятыко обнаружил, что чуть ли не касается носом лацкана пиджака Аркадия Никифоровича.

– Извини, голубчик, – мягко сказал он. И, сообразив, спросил: – Так значит, третий глаз открылся?

– А у тебя что? – понизив голос, ответил Дятел.

– Ещё буду разбираться, – деловым тоном сказал директор. – А Жеке месяца не дадим, как думаешь?

– Хрен ему, а не месяц, – легко согласился Аркадий Никифорович. А для себя решил отныне общаться с Жекой только по телефону и уклоняться от личных встреч.

– Мне тут в голову хорошее название пришло для нашего предприятия, – сообщил директор. – Назовём его «Проект «Поиск гения».

– Это ты, конечно, гениально придумал, Нестор Анатольевич. Только вдруг второй Жека появится? Или какая-нибудь испепеляющая взглядом?

– Нет, ну я это в принципе проект. Здесь, конечно, надо исследовать. Конечно, сверхспособности пациентов должны быть под нашим контролем.

– И только способности, которые наметим мы.

– Да, без Жеки, как ни крути, никак, – протянул директор.

– Выходит, никак.

– А ну-ка, погоди, – Перетятышко снова нагнулся к груди Дятла, потянулся рукой к человеку.

– Нет, сердца моего не трожь. – Дятел вскочил со стула. – Не знаю, что там у тебя за способность, но руки попрошу не распускать.

– Голубчик, да ради бога! – всплеснул руками директор.

Он подумал, как хорошо было бы щёлкнуть этого человечка по носу. И увидел, как тот сморщился и потёр нос. Дятел же с беспокойством обвёл взглядом комнату и сказал, что уже поздно и пора уходить. Всё равно без Жеки дальше обсуждать бесполезно. Он обесточил магнит, выключил свет и торопливо вышел из комнаты. Нестор Анатольевич шел следом и улыбался. Он ощущал своё предназначение.

Приблизительно через год в городе появились рекламные щиты со стариком Эйнштейном. За этот год трудами безжалостного Жеки удалось выяснить, как правильно обращаться с магнитом. Управление сверхспособностями оказалось непростым делом. Если, к примеру, сунуть в магнит человека в здравом уме и твёрдой памяти, то что-то проявится, но не надолго, через несколько недель всё пройдёт. И будет это что-то делом простым, чем-то таким, чего обычно ожидают люди друг от друга. Скажем, рисовать начнёт человек, стихи писать. Жека усилил таким образом свои гипнотические возможности, но сам же обнаружил, что со временем они ослабевают. Оттого и хотел через месяц произвести повторную стимуляцию.

Хуже было, если подопытный находился в изменённом состоянии сознания: как следует выпивши или под наркотической «балдой». Тут следовало ожидать и абсолютной памяти, и общения с иными мирами, и такого, что произошло с Перетятышко и Дятлом. Эти сверхспособности были совершенно непредсказуемы.

Всё тот же Жека открыл способ проявлять способности по его, Жекиному, желанию. Для этого он вводил человека в гипнотический транс, внушал, что тот, скажем, сильный математик. После чего отключал сознание подопытного вовсе и совал того в магнит. И это работало. Такие способности держались долго, но всё равно затухали, и нужно было повторять сеансы. Особенно радовало экспериментаторов, что внушение иррациональных способностей не приводило к появлению таковых. Внушение способности летать не приводило к левитации подопытного. Желание летать вкупе с уверенностью, что это возможно, у подопытного оставалось, но он не взлетал. А если прыгал с высоты, то бился о землю.

О роли магнита в процессе овладения способностями клиенты не догадывались, ибо помещаемые туда в бессознательном состоянии, не имели возможности составить полное впечатление. Поэтому, думали, что всё дело в Жеке, в его магнетическом взгляде, повелительном

голосе, уверенном жесте и, конечно, в его чудодейственных таблетках. «Методика, друзья, всё решает методика!» – частенько говаривал Перетятко в общении со значительными людьми города Н. О роли этой не догадывались и навещавшие институт коллеги-учёные из самых разных городов и стран. Магнит теперь стоял в подвале, ключи были только у причастных его тайне.

За те два года, что действовал проект «Поиск гения» случилось только два прокола. Один благодаря пронырливости Паляницы, а другой из-за банальной человеческой халатности.

Паляница не верил в чудеса. Поэтому не верил ни в силу гипноза, ни в силу медикаментов, ни в какие-то там особенные способности Жеки. Он твёрдо был убеждён, что самое главное от него скрывают, и это должно быть чем-то железным, хотя бы – кувалдой, которой лупят клиента по темечку.

Попытка Жеки внушить Палянице обратное успеха не имела. Паляница не верил в гипноз, потому что гипнозу не поддавался. Даже Жекиному. Он отследил возню с переноской магнита. Так как магнит был сплошь из железа, Паляница совершенно уверился, что докопался до самой сути. После чего закинул Перетятке пару крючков. Раз, совершенно мимоходом, как бы невзначай поинтересовался, а чего бы металл, что сгружен в подвале, не сдать в лом, зачем добро пропадает, тем более что магнит на балансе института не числится, а он, Паляница, и людей знает, которые и купят, и самовывоз организуют. В другой раз сообщил, что люди из универа хотели бы забрать своё добро, наверное, собаки, прозорливо предположил полковник, тоже в металлолом наметили. «Денежки нынче всем нужны. Наука без прибыли теперь никому не нужна», – веско рассудил он.

Перетятке от этой вескости сделалось муторошно. Он посоветовался с Дятлом и Жекой. Решили частично ввести чекиста в курс дела. Но так, чтоб ему стало страшно, и не просто страшно, а очень страшно. Чтобы больше уж с этими разговорами не высывался. А чтобы уж совсем наверняка – дать ему должность маркетингового директора в их ООО «ЦРК». «ЦРК» означало – «Центр развития креатива».

Методом устрашения были избраны эксперименты Перетятко по истреблению «тонкоэфирных паразитов». Паразитами Нестор Анатольевич называл зловердных человечков, которых он видел на всех, в том числе и на себе. Душами он именовать их напрочь отказывался. В них он склонен был видеть только эфирных паразитов. Паразиты эти не поддавались изгнанию из тела, кроме как путем умерщвления самого тела. То есть, если человек умирал, паразит сперва вился вокруг его тела, а потом, как правило на третий день, бесследно исчезал. Но если в тот самый магнит помещали умирающего, то после прекращения жизнедеятельности паразит удерживался на его теле, при этом с мертвецом происходили странные и страшные вещи. А паразит, видимый одному лишь Нестору Анатольевичу, корчился, словно от жестокой пытки.

Второй прокол на первый взгляд представляется совершенно безобидным. Случилось это под Новый год. Жека доставил для директорских экспериментов полуобмороженного бомжа и поместил в изолированный бокс. Ясное дело, никто из персонала, кроме двух доверенных санитаров, людей с уголовным прошлым, не должен был видеть этого кандидата в покойники. Эти двое обитали в самой «больничке» и находились под Жекиным гипнозом. Тот внушил им, что они в бегах, что объявления расклеены по всему городу, а статьи у них сплошь расстрельные.

Чтобы отметить праздник по всем правилам была ими заначена трехлитровая бутылка медицинского спирту, правда не полная, но литра два в ней точно было. Как только персонал «больнички» разъехался по домам, санитары начали готовиться к встрече Нового года. Третьим предложили стать тому самому бомжу, больше всё равно никого не было. Бомж к этому времени уже оттаял и маялся похмельной тоской. Когда часы пробили полночь, санитары уже лежали под столом в причудливых позах. А бомж оказался крепок. Допив остатки спирта, он решил поискать ещё. Ноги держали, а голова работала ровно настолько, чтобы дать команду

рукам обшманать санитаров на предмет денег и других ценных вещей. Денег не оказалось, а из ценных вещей обнаружили только пачка сигарет да связка ключей. Проблевавшись, бомж пошёл бродить по коридорам, подбирая к встречающимся дверям ключи из связки. Так он добрался до подвала и в конце концов попал в помещение с магнитом.

Той ночью магнит был включён. На цинковом столе, головой в магнит, лежал труп, испускавший бледно-зелёное свечение. Кончики пальцев правой руки мелко подрагивали. Бомж пощупал тело – холодный, значит точно жмур. Ничтоже сумляшеся, он спихнул тело со стола, забрался на его место и сунул голову в гудящее кольцо соленоида. Ему было любопытно – чего оно гудит. Гудело убаюкивающе. Он устроился поудобнее и заснул. Там его утром и обнаружил Жека. Уж где он ожидал найти пропавшего, только не здесь. Но на это место указал по телефону Дятел, а он в таких вещах не ошибался.

Жека выключил прибор и растолкал бомжа. И услышал в ответ:

– Пошто, вражина, разбудил?

Короче говоря, бомж был уже не бомж. Откуда-то он знал, что он – гуру Фёдор, духовидец и пророк. Шутки ради Жека решил понаблюдать его некоторое время, некоторое, потому что выпускать живым новоиспеченного гуру он не собирался. Санитарам же пришлось внушить, что они непьющие.

Пророчествовал гуру Федор много и охотно. Правда, всё больше туманно, в духе Нострадамуса, но иногда поражал удивительно точными прогнозами. Наконец, Жека собрался было гуру Фёдора ликвидировать. Но санитары-уголовники любили футбол и перед каждым матчем остервенело спорили, кто победит и с каким счётом. Гуру Фёдор, услышав раз их перемежаемую матом яростную беседу, неожиданно и веско изрёк:

– То не важно! Спорт есть зло. Но ежели, олухи, надобно вам знать, то знайте: победят «канарейки» дважды успешно, но не без огорчения. Матрасники будут слёзы лить.

Играть должны были итальянские команды «Лече» и «Ювентус». «Ювентус», бывший в лидерах, вопреки здравому смыслу проиграл со счётом два-один. Санитары, не обратившие сперва внимания на предсказание, к окончанию игры сообразили, что «канарейки» это «Лече», «матрасники» – игроки «Ювентуса» в полосатых чёрно-белых майках. И решились на разговор с Жекой, чтобы взял их в долю, когда будет ставить на спортивном тотализаторе, потому что дело верное. Жеку ни футбол ни тотализатор не интересовали. Но футболом интересовался Нестор Анатольевич, с тех пор, как на него вышли люди Хозяина. И когда Жека, в качестве анекдота, рассказал ему случай с санитарями и гуру, Перетятько сладко улыбнулся и сказал:

– Федора, Евгений, я тебе не отдам, уж не обессудь. Спорт может быть и зло, но нам сейчас необходим спорт. Знаешь, как Хозяин нервничает перед игрой? А мы его, когда надо, успокоим. И вообще, свой пророк нам не помешает.

Жека пожал плечами – не помешает так не помешает. Так в ООО «ЦРК» появился ещё и отдел прогностики. Отдел оказался прибыльным.

А тайну гуру Фёдора пришлось Хозяину раскрыть. Не верил он ни в какую научную прогностику, а просто потребовал предъявить ему «того самого человека». Привезли гуру Фёдора, тот огладил бороду, благожелательно на Хозяина глянул и сказал:

– Большому кораблю – большое плавание. Знаю, чаешь чемпионства. Так укрепись! Не избегнуть тебе этого бремени.

Чем моментально расположил Хозяина к себе.

Потом Хозяин заинтересовался проектом «Поиск гения», вызвал Перетятько, с пристрастием расспросил о возможностях методики в смысле радикального повышения спортивных успехов и о рисках для здоровья футболистов. Директор ИПК заверил, что методика многократно опробована и совершенно безвредна. «Сделаем ваших орлов гениями футбола, Александр Владимирович», – заверил он Хозяина и попросил пару месяцев на подготовку, чтоб всё уже было наверняка.

И вот, назавтра первые футболисты клуба «Забойщик» должны были появиться в стенах «больнички».

Глава 5. Он в досаде

Заведующий АХЧ Института Прикладной Кибернетики Пётр Петрович Свисток жил в одном из спальных районов города Н. в малогабаритной квартире. Конечно, мог позволить себе квартиру и побогаче, и в центре. Но приученный жить с оглядкой, успел полюбить простоту. В его лексикон прочно вошли фразочки: «Мы люди простые», «Много будешь знать – мало не покажется», «Не мебель красит человека» – и тому подобное.

Около двух часов пополудни в узкий проезд между двумя крупнопанельными домами втиснулся мерседес Чичикова. В расположении духа Чичиков был самым что ни на есть благоприятным. Беседу с завхозом рассчитывал провести быстро и даже весело, чтобы оба после подписания купчей расстались вполне дружески: улыбались и жали руки.

Но неприятности начались уже в подъезде. На дверях лифта висела табличка «Ремонт». «Которое столетие чините?» – с досадой подумал Чичиков и стал подниматься лестницей.

Завхоз жил на девятом этаже. Потому что квартиры были там самые дешёвые, а пешком ходить – полезно для сердца. Когда, наконец, Чичиков выбрался на верхнюю площадку, дыхание у него сбилось, он вспотел и чувствовал себя омерзительно. Бокс, куда выходили двери двух квартир, был забран решёткой с решётчатой же калиткой на замке. Чичиков позвонил. Из двери вышел лысый полноватый мужчина в спортивных шароварах, вылинявшей майке и стоптанных тапочках. И принялся молча разглядывать Чичикова.

– Ну? – спросил Чичиков.

Заведующий АХЧ ему не нравился.

Завхоз склонил голову, скептически окинул взглядом костюм Чичикова и спросил:

– Не жарковато?

– Моё «жарковато» пускай остаётся при мне. Вы бы-то открыли, Пётр Петрович.

– Я бы-то открыл, – ответил Свисток и снова умолк, почёсывая пузо.

– Вот и откройте, – раздражённо бросил Чичиков.

– Эхэ-хэх, – вздохнул завхоз, – выглядите вы, как из налоговой... или КРУ.

Чичиков вынул визитку и протянул сквозь прутья. Свисток рассмотрел её и фыркнул:

– И стоило с частным делом своим ходом на девятый этаж? Вы бы ко мне на работу, там бы посидели, по-простому, как человек с человеком. У меня ж тут жена.

– Какая там жена...

– Ну, не жена, ну, сожительствую, – легко согласился Свисток. – Зачем нам для разговора бабы уши?

– Отослать в магазин, – предложил Чичиков.

– Можно. Мы люди простые, только вот вам оно зачем? Куда спешите, – он глянул в визитку, – Сергей Павлович?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.